

A detailed illustration of a middle-aged man with a thick mustache, wearing a dark blue suit, a white dress shirt, and a dark blue tie. He is standing in a room filled with numerous large stacks of newspapers or documents, some of which are open and show text. The man has his hands in his pockets and is looking directly at the viewer with a slight, confident smile. The background is filled with these stacks, creating a sense of a busy, information-rich environment.

Антон Емельянов и Сергей Савинов

ГЛАВРЕД:
Назад в СССР

Главред: Назад в СССР

Сергей Савинов

Главред: Назад в СССР. Книга 1

«Савинов С.А.»

«Емельянов Антон»

2024

Савинов С. А.

Главред: Назад в СССР. Книга 1 / С. А. Савинов — «Савинов С.А.», «Емельянов Антон», 2024 — (Главред: Назад в СССР)

На дворе вторая половина восьмидесятых. Перестройка, гласность, первые рок-концерты и легкий ветер перемен. Российский журналист Женя Кротов, попав под обвал в 2024 году, оказывается в теле главного редактора советской районной газеты, и теперь ему предстоит поднять провинциальную журналистику на всесоюзный уровень. Без телеграма, инстаграма и прочих «граммов». Кстати, о них – напиться с горя тоже не получится, в стране идет борьба с пьянством. Да и зачем? Если судьба дает второй шанс, надо быть дураком, чтобы им не воспользоваться! Наливаем газировки из автомата, берем мороженое в вафельном стаканчике, ставим вашу любимую пластинку (не забудьте протереть пыль) – и можно читать. Авторское примечание. Приключения главного героя во многом навеяны реальной работой одного из соавторов в региональных СМИ.

© Савинов С. А., 2024

© Савинов С.А., 2024

© Емельянов Антон, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Антон Емельянов, Сергей Савинов

Главред: Назад в СССР. Книга 1

Пролог

Тверская область, 2024 год

Берега Любицы были непривычно высокими и крутыми. Как будто бы где-то на севере – например, в Карелии. У нас, конечно, тоже далеко не черноморский курорт, но пейзаж, раскрывшийся перед нами, внушал помимо легкого дискомфорта еще и смутную тревогу. Да, красиво, да, весьма живописно. Но при этом дико и первобытно. И вот как этого мальчишку угораздило исчезнуть именно здесь и именно в такую погоду?

– Сейчас еще пожилые грибники косяками пропадают, мы вообще зашиваемся, – словно угадав мои мысли, сказала Снежинка, потешно почесав нос огромной рацией, зажатой в руке.

– И много их бывает? – живо поинтересовался я, не забывая, что участвую во всем этом прежде всего как журналист, готовящий остросюжетный репортаж. – От чего зависит?

– Сразу видно, что ты не «тихий охотник», – рассмеялась в ответ девушка. – Давай вон туда. Если он сообразил вдоль реки идти, можем хоть какие-то следы обнаружить.

В ее голосе звучала слишком уж бодрая надежда, но я уловил, что на самом деле Снежинка уже не особо верит в успех. Пятиклассника, сбежавшего в Каликинский лес от родителей, искали уже больше суток, но пока что тщетно. А как говорил «корд» Василий с позывным Роберт, время всегда играет против людей.

«Корд» – это на поисковом жаргоне «координатор», то есть человек, который организует спасательную экспедицию. Распределяет пары, дает задания. Нам со Снежинкой, которую в обычной жизни звали Светой, доверили участок берега Любицы. Вернее, доверили ей, а меня дали в довесок. Потому что я в поисковых делах абсолютный нуль, и моя задача – узнать побольше самому, после чего рассказать аудитории нашего сайта. И печатного приложения под названием «Любгородские известия», которое в основном читают одни лишь пенсионеры. Хотя наша старая гвардия обижается, когда я так говорю. Для них все наоборот: это сайт и все ваши вконтакты с телеграм-каналами, мол, бесплатное приложение к нашей газете. Такая вот священная война в границах одной редакции.

– Так что там с охотой? – напомнил я сосредоточенно осматривавшей кусты девушке.

– А? – она обернулась, смешно прищурившись. – Тихая охота, точно... Ты ведь сам грибы никогда не собирал?

– В детстве только, – пожал я плечами, сокрушенно ловя сигнал сотовой связи. – Когда у бабушки гостил, старшие ребята с собой брали. Но я в основном только поганки находил.

– Оно и понятно, – хихикнула Света. – То есть... Извини, без обид. Так вот, количество пропавших грибников резко увеличивается в сезон. Как раз как сейчас. Бывает, что по десятку в неделю только в нашем районе. Бабушки и дедушки массово валят в лес с корзинками, некоторые потом дорогу обратно найти не могут, кому-то просто плохо становится... Жалко их очень всегда.

Жалко... Именно исчезновение очередного божьего одуванчика и сподвигло меня предложить нашему главреду репортаж о поисковом отряде «След». Его создали еще в начале две тысячи десятых по аналогии со столичными и тверскими отрядами. И вот уже больше десяти лет люди самых разных профессий вне зависимости от возраста и социального статуса в свободное время за собственный счет разыскивают других. Ищут, спасают или... приносят скорбные вести родственникам. Ох, чувствую, попал я именно в такую ситуацию – Каликинский лес не прощает ошибок, и паренька, скорее всего, уже нет в живых...

– Света, а почему ты Снежинка? – чтобы отвлечься от тягостных дум, спросил я.

– Да-а... – протянула она. – Знаешь, прилипло как-то. Пришла в отряд на один из поисков, зимой дело было. А у меня пуховик, шапочка и сапожки – все белое. Так и прозвали.

– А в обычной жизни ты кто?

– Медсестра в ЦРБ. А ты почему в журналисты подался?

Вот оно. Редко какой разговор проходит без выяснения, как я дошел до жизни такой. На дворе двадцать первый век, дети хотят стать айтишниками. Раньше в фаворе были менеджеры и юристы с банкирами. Еще раньше – бандиты. Или коммерсанты. А вот в моем детстве все мечтали стать космонавтами. То время я еще застал.

– Ты знаешь, – я сделал вид, будто задумался. – Когда был маленьким, хотел стать милиционером. Потом космонавтом, военным, врачом. Даже автогонщиком. А когда подрос, понял, что есть профессия, где можно все попробовать. И потом рассказать остальным.

– Интересно, – сказала Снежинка, посмотрев на меня уже немного другим взглядом.

Такая она, власть стереотипов. В районной журналистике чаще всего можно встретить пенсионеров, трудящихся в незабвенных «Любгородских известиях» еще с тех самых времен, когда они были «Андроповскими». Или девчонок сразу после филфака, которые не смогли укатить в Москву или Питер, да и в Твери у них зацепиться тоже не получилось. А тут целый мужчина чуть меньше сорока, не урод, не доходяга и не заучка-ботаник.

– И как? – Света неопределенно передернула плечами, однако по тону голоса было понятно, что интересуется она искренне. – Получается рассказывать?

– А вот считаешь потом и узнаешь, – ответил я. – Главное, чтобы мальчика мы нашли.

– Найдем, – снова с преувеличенным энтузиазмом заверила девушка.

Раздался тяжелый стрекот, и я, инстинктивно завертев головой, увидел приближающийся вертолет. Ми-8, ярко-белый с сине-оранжевыми продольными полосами. Борт МЧС из Твери – в Любгороде своей авиации нет. Мама рассказывала, как они с отцом летали в областной центр на «кукурузнике» с местного аэродрома в тогда еще калининское Змеево. А потом наше местное летное поле закрыли, причем еще даже Союз не распался.

– Это по нашу душу? – уточнил я, кивнув на винтокрылую машину.

– Пока нет, насколько я знаю, – вздохнула Света. – Скорее всего, в ЦРБ полетел, кого-нибудь тяжелого в Тверь забрать.

– Снежинка! Ответь! – к голосам в рации я уже успел привыкнуть, но тут Роберт обратился напрямую к нам. – Как слышно?

– Снежинка – Роберту, слышу отлично! – доложила девушка, встав, опершись ногой в ярко-оранжевом туристическом ботинке о замшелый камень.

– Бери своего журналиста и двигайтесь вдоль реки до стрелки, – зашелестел «корд». – Пилоты Ми-8 заметили синее пятно на берегу. Проверьте, вы там ближе всех.

– Поняла! – воодушевленно закричала Света, да так, что рация даже взвизгнула. – Конец связи!

Она повернулась ко мне, ее раскрасневшееся лицо сияло. А я понял, что репортаж, кажется, удался. Потому что пятно, о котором сказали летчики...

– Мальчик был в синей курточке! – сообщила Снежинка. – Идем!

Мы заспешили по берегу, оскальзываясь на мокрой земле. Она не успела высохнуть еще с прошлого промозглого дождика, а тут еще, как назло, зарядил новый, гораздо сильнее. Фигурное у меня предчувствие, если честно.

– Свет, – позвал я. – А, Свет!

– Что? – откликнулась девушка, не оборачиваясь.

– Слушай, а ведь на стрелке там и медведей видели часто, – мне не давало покоя синее пятно, которое, судя по всему, не подавало никаких сигналов пилотам. – Да и вообще там черт ногу сломит...

Света внезапно остановилась и впервые за последние несколько минут посмотрела мне прямо в глаза.

– Пока мы не увидели труп, – тихо, но зло отчеканила она, – мальчика считаем живым. Ты понял меня?

– Извини, – я примирительно вытянул вперед руки. – Давай идти.

Девушка еще что-то неразборчиво бормотала, буквально продираясь сквозь ломкий кустарник как танк, а я понял, что все это время она убеждала сама себя. В том, что мальчишка жив, что его еще можно спасти.

– Снежинка! – вновь ожила рация. – Снежинка, внимание! На вашем участке обнаружен сход породы! Берег размыло дождями, возможны еще обвалы. Будьте поаккуратней!

– Я вижу его! – воскликнула Света. – Вон курточка!

Девушка рванулась вперед, развив приличную скорость, и я едва поспевал за ней. Река в этом месте делала крутую излучину, перепады береговой высоты напоминали пейзаж где-нибудь на Красной Поляне в Сочи. А вот и тот самый обвал, про который сказал Роберт...

– Света! – краем сознания я зацепился за земляной козырек, нависший над тропой. Высоко и опасно.

– Снежинка! – уловив что-то в моем голосе, встревоженно зашелестел Роберт. – Осторожнее! К вам идут Солдат с Темным, дождитесь! Что там у вас?

– Роберт, тут обвал! – крикнул я, надеясь, что звук догонит бегущую девушку. – Мы нашли его! Света!

Лежащее без движения тело в синей курточке и оранжевые ботинки, разбрызгивающие прибрежную грязь – яркие пятна в царящей вокруг промозглой серости. И странный гул где-то на границе слышимости.

– Назад! – заорал я, и мой вопль дополнил испуганный окрик Роберта. – Стой! Назад!

Оранжевые ботинки остановились, их обладательница растерянно посмотрела вверх, на качающийся земляной козырек, потом на меня. И тут я увидел, какая она на самом деле совсем молодая девчонка. Да, медсестра, спасатель, поисковик – но испуганная и беспомощная в данный конкретный момент времени.

– Назад! – вновь закричал я. – Давай ко мне!

Света словно не понимала, чего от нее хотят, испуганно округлив глаза. Потом взяла себя в руки, метнулась, но не в ту сторону... Я бросился к ней, с отчаянием осознав, что земляной козырек заваливается, а вместе с ним сверху на нас вот-вот полетит огромный валун. И если от этого еще можно попробовать увернуться, то следом может сойти кусок берега гораздо крупнее. Цепная реакция...

Раньше я довольно скептически относился к рассказам, когда в экстремальной ситуации человек словно бы видит все в замедленном темпе. Как будто бы само провидение или еще что-то непознанное дает время на принятие важного решения. И вот теперь я почувствовал и увидел подобное сам.

Земляной козырек с валуном медленно, словно нехотя, оторвался от высокого берега и полетел вниз. Прямо на Свету, которая еще могла отскочить, но замерла от страха при виде летящего вниз смертоносного обвала. Я догнал ее, схватил за руку, дернул и с нечеловеческой, как мне показалось, силой отшвырнул прочь. Туда, где земля и камни не причинят ей вреда.

А потом меня самого накрыло мокрой опрелой породой, приложило по голове чем-то твердым, сбilo с ног, завалило, мешая пошевелиться и встать. Я уже ничего не соображал, а меня продолжало засыпать, после чего как будто уронили на голову тяжеленный шкаф, и я потерял сознание.

Глава 1

Очнулся я на полу в редакции, изрядно этому факту удивившись. Если меня завалило камнями, то везти мое безвольное тело нужно было в ЦРБ. Или хотя бы на станцию скорой помощи. Но зачем тащить меня на работу? Какой смысл?

Интересно, как там Света-Снежинка? Я помню, что откинул ее от летящей породы, и вроде как девушку не должно было зацепить. И еще... Там же было тело пропавшего паренька. Может, все-таки и он выжил? Не хотелось бы писать репортаж о том, как мы в итоге нашли мертвого мальчика и чуть не погибли сами...

– Он открыл глаза!

Испуганный девичий голос, в то же самое время переполненный облегчением. Кто это? Лера? Или Катя? Я повернул гудящую голову в сторону звука и попытался сфокусироваться – оказывается, в глазах у меня бешено плясали мушки. И наши столы, стоявшие в хаотичном порядке вдоль стен, я узнал чисто интуитивно. Вот только, похоже, я все-таки обознался.

На меня смотрели три пары внимательных глаз. Двое мужчин и молоденькая брюнетка. Абсолютно мне не знакомые. Один сильно располневший, настолько, что его живот бесцеремонно раздвигал в стороны подтяжки. Другой, напротив, невероятно худой и длинный, метра под два. В тонком свитере с треугольным воротом-мыском и торчащей из-под него рубашкой. На тонких ногах длинного сверкали ужасные джинсы-варенки, вроде тех, что в далекой молодости носил мой папа. А вот девушка оказалась довольно приятной. Только какой-то... старомодной, что ли.

Чересчур массивные для тоненького симпатичного личика очки, белая блузка с рукавами-фонариками и высоким тугим воротом. Черный галстук-жабо придавал ей одновременно вид строгой училки и любительницы аниме, а длинная юбка-карандаш скрывала ниже колен еще более длинные ноги. Черные лодочки на низком каблуке и стрижка а-ля семидесятые с накрученной бигуди челкой – образ ей, судя по всему, диктовала бабушка...

– Евгений Семенович, с вами все в порядке? – видимо, я слишком откровенно разглядывал девушку, и она смущенно зарделась. Только почему она меня на «вы» называет? Мы в редакции так только со старой гвардией разговариваем. Еще и отчество путает. Я ведь Сергеевич, а не Семенович.

– Ты, Женя, во время падения головой сильно приложился, – бархатным голосом сообщил толстый, а худой протянул мне руку, помогая встать. – Не болит ничего? Может быть, неотложку вызвать?

– А где я головой приложился? – чувствуя накатывающуюся тошноту, с подозрением осведомился я.

– Да вот тут прям, – худой осклабился. – Зойку бедную распекал, а потом как посинел, задыхаться начал и грохнулся затылком.

– Я?

Чувствуя себя полным идиотом, я обвел присутствующих растерянным взглядом. Творилась какая-то невообразимая дичь, и самое главное, что оставалось непонятным – как развивались события после того обвала на берегу Любицы. Кто эти два мужика и почему я распекал эту бедную девушку? Как там ее?... Зойку, точно.

Пока я вертел головой, загадок добавилось еще больше. Кабинет точно был наш – в окне по-прежнему красовались здания районного архива и бывшего дома профсоюзов. Даже береза стучалась в стекло, только почему-то стала поменьше, как будто ее подстригли. Но... не было ни одного компьютера, вместо них на столах расположились допотопные печатные машинки. На стене висел огромный портрет Ленина, а рядом – поменьше – почему-то Михаила Сергеевича Горбачева. Первого и по совместительству последнего президента СССР.

– Ну да! – оживился тем временем толстый. – Ты ж ей задание выдал про молодежную культуру написать, так она вместо слета комсомольских поэтов в гаражи поперлась. Там наши местные оболтусы тяжелый рок играли. Вот об этом и понаписала.

Толстый осуждающе посмотрел на Зою, и та покраснела. Снова. Переминаясь с ноги на ногу, дрожащим голосом попыталась объясниться, глядя при этом только на меня.

– Но это ведь тоже молодежная культура! Кто-то стихи читает, а кто-то поет песни «Кино» и «Лед Цеппелин».

– «Лед Зеппелин», – машинально поправил я, потом спохватился. – А что, у нас в Любгороде разве еще комсомольцы есть? Еще и стихоплетствуют?

Зоя после моих слов почему-то принялась хватать ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Толстый молча вытаращил глаза, тонкий же усмехнулся, со странным любопытством воззрившись на меня.

– Евгений Семенович, вы шутите? – неожиданно толстый, который называл меня Женей, перешел на официальный тон. И тоже почему-то промахнулся с моим отчеством.

– Арсений Степаныч, ему же плохо! – вдруг бросилась меня защищать девушка. – Он, похоже, головой сильно ударился.

– Да, что-то мне не очень хорошо, – признался я. – Голова болит, кружится... Но вы не беспокойтесь, коллеги, скоро все пройдет. Ничего страшного.

– В отгул, Женя, – наставительно сказал тонкий. – Если что, я приму. До выхода номера еще неделя, состряпаем.

– Какого номера? – параллельно с разговором я осматривал внезапно ставший незнакомым кабинет и с каждой секундой холодел. – Что вы там собирались состряпать? Я сплю?

Ленин с Горбачевым уже не так смущали меня, как календарь на тысячу девятьсот восемьдесят шестой год. А еще – кубки и треугольные вымпелы с ликом вождя мирового пролетариата. Что еще за филиал краеведческого музея с советским уклоном?

– Я все-таки скорую вызову! – решительно воскликнула Зоя и принялась крутить диск допотопнейшего стационарного телефона. – Алло! Скорая? Человеку плохо! Упал, потерял сознание, теперь почти ничего не помнит!

Она продолжала взволнованно тараторить, а я ее слушал и постепенно почему-то успокаивался. Все банально: я или сплю, или смотрю «мультки» в медикаментозной коме. Иначе и быть не может, потому что меня завалило землей и камнями, приложило по голове. И никак меня не могли привезти в редакцию – в таких случаях только больница, причем явно ПРИТ.¹ А все то, что сейчас вокруг меня происходит, исключительно плод моего воспаленного лекарствами воображения.

Я сплю и вижу сон, ничего страшного. Просто, как любой журналист, брежу своей работой, а вся эта советская обстановка навеяна нашими ветеранами-газетчиками, бесконечно ностальгирующими по временам юности. Кстати, та же Зоя тогда должна быть одной из этой компании. Но никакой Зои лет шестидесяти в редакции «Любгородских известий» я не припомню!

– Что за шум, а драки нет? – в кабинет весело ввалился паренек, похожий на молодого Троцкого, однако, увидев взволнованную Зою и мое растерянное лицо, быстро осекся. – Что случилось?

– Евгению Семеновичу плохо! Скорая уже выехала! – доложила девушка. – Леня, ты можешь их встретить?

– Думаешь, они редакцию не найдут? – развел руками парнишка, и я увидел, что у него на поясе висит кофр с фотоаппаратом. – То есть... конечно же, встречу, Зой.

И тут меня неожиданно осенило.

¹ ПРИТ – палата реанимации и интенсивной терапии.

– Леня? – позвал я юного Троцкого. – Леонид Яковлевич Фельдман?

– Да, – растерянно протянул фотограф, даже забывший, что он уже рванулся встречать докторов скорой. – Евгений Семенович, вы меня не помните? Ай-яй-яй... Потерпите немного, эскулапы уже в пути.

Теперь я точно узнал его. Наш легендарный фотокорреспондент, который даже в свои семьдесят с хвостиком продолжал бегать со своим пленочным «Зенитом» и снимать не хуже мальчишек с цифровыми «Никонами» и «Кэнонами». Леонид Яковлевич Фельдман в моем сне предстал молодым, подающим надежды репортером... А я – получается, сам я вроде как Евгений Семенович Кашеваров, главный редактор «Андроповских известий» в восьмидесятые. Вот ведь занесло полетом фантазии!

С другой стороны, какой у меня сейчас выбор? Если я и впрямь лежу в нашей любгородской районной больнице под капельницей, с развлечениями у меня точно беда. А так хоть во сне хорошо время проведу. Тем более что сон уж очень реалистичный получается, красочный.

Как бы то ни было, нужно принять правила игры. Главный редактор я, говорите? Что ж, извольте! Но для начала подыграем фантазии и дождемся врачей. Леонид Яковлевич... то есть Леня уже побежал вниз, заслышав сирену подъезжающей скорой.

А у кабинета уже толпились сотрудники редакции. Едва фотограф прошмыгнул в приоткрытую дверь, как его чуть не снесло потоком взволнованных журналистов. И не только их, кстати – в высоком чернявом мужчине с восточной внешностью я опознал молодого Сергея Санюча Доброгоубова, нынешнего завхоза. А тогда он кем был? Вспомнил, Сергей Санюч ведь часто рассказывал, как называлась его должность – завгар. На современном русском – заведующий гаражом. Интересно, какими автомобилями располагала редакция в восьмидесятых?

– Евгений Семенович, вы совсем себя не бережете! – властно отодвинув пишущую братию вместе с завгаром, в кабинет вошла высокая бойкая женщина в буром костюме. Совсем как у Людмилы Прокофьевны, героини советского фильма «Служебный роман».

Кстати, сама дамочка и впрямь была на нее похожа. Только уже после преображения, так что для своего возраста чуть за пятьдесят выглядела очень достойно. И последняя мысль меня, к слову, смутила, потому что голова вдруг услужливо подкинула чужие воспоминания. Звали женщину Кларой Викентьевной Громыхиной, и была она в редакции газеты парторгом. А еще главлитом², в чьи обязанности входило цензурирование материалов, и по совместительству, кажется, тайной поклонницей Кашеварова. То есть меня.

– Расступитесь! – тоном, не терпящим возражений, скомандовала она и подошла ко мне. – А вы садьте!

Я подчинился, тем более что присесть точно хотелось. Венский стул подо мной скрипнул, и я незаметно окинул себя подозрительным взглядом. Нет, до толстяка Арсения Степановича мне еще далеко, но вот спортом, пожалуй, надо бы заниматься почаще. И так постоянно тянусь к стадиону, однако что-то меня отвлекает. Работа, наверное. Кстати, это сейчас кто подумал – я сам, Евгений Сергеевич Кротов, или мое альтер эго Евгений Семенович Кашеваров? Впрочем, неважно.

– Улыбнитесь! – тем временем продолжала приказывать мне Клара Викентьевна. – Так, хорошо. Теперь расскажите скороговорку! Корабли лавировали...

– Лавировали, – подхватил я, – да не вылавировали.

– Фух! – выдохнула Громыхина. – Значит, все-таки не инсульт. И все-таки не бережете вы себя, Евгений Семенович. Шабанова, принесите воды немедленно!

² Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств, госорган в СССР, осуществлявший надзор за сохранением государственных тайн в СМИ и цензуру. Действовал с 1922 по 1991 годы. В профессиональном обиходе «главлитом» также называли штатного цензора.

Ага, это она к Зое так обратилась. Теперь будем знать, какая у нее фамилия. А то, понимаешь, главный редактор не помнит, кто у него сотрудники. Нехорошо. И, кстати, в этой реальности я вроде как просто редактор. Раньше такой должности не было, а был ответственный секретарь – в будущем это выпускающий редактор. Кстати, откуда-то у меня нашлось понимание, что я совмещаю оба поста. Наверное, для районки это нормально. Или все-таки нет?

Не прошло и пары минут, как девушка вернулась с граненым стаканом, наполненным слегка теплой водой. Видимо, налила из остывшего чайника. Я сделал пару глотков, с удивлением осознав, что чувствую знакомый с детства вкус воды с накипью. Это сейчас в бутылки разливают какой-то дистиллят, который пьешь и не замечаешь. А тут... Я даже зажмурился, выпив целый стакан одним махом и причмокнув в конце. За мной наблюдали с растерянным любопытством, видимо, не понимая, как можно получать такое удовольствие от простой воды. А я, между тем, не только вкус, но и аромат почуял, хотя во сне человек ничего такого различать не должен. Впрочем, после ковида я уже ничему не удивляюсь.

– Спасибо, Зоя, – я поблагодарил девушку и вернул ей стакан.

В этот момент в кабинете стало еще теснее – зашел Леня Фельдман, а за ним довольно молодая докторша в белом халате и колпаке в сопровождении лысого медбрата.

– Где больной? – деловито осведомилась она и, понимающе кивнув, направилась ко мне, цокая каблучками. – Выйдите все из кабинета!

Последнюю фразу докторша произнесла спокойным, но таким требовательным тоном, что все, даже Клара Викентьевна, убралась вон.

– Спасибо, – я улыбнулся. – А то что-то совсем шумно стало...

– Помолчите, – приказала она. – И раздевайтесь.

– Штаны тоже? – зачем-то уточнил я, чем заслужил разочарованный взгляд молодой докторши.

Нет, все же люди тогда на работе выглядели по-другому. Не помятые и не потасканные жизнью, как в наше время, а так, будто находятся на параде. В честь Первомая, к примеру. Для начала, сосредоточенно слушающая меня стетоскопом приятная женщина была в ослепительно белом халате и до хруста накрахмаленной высокой шапочке, из-под которой выбивались роскошные каштановые волосы. А еще она, работая врачом скорой помощи, умудрялась носить довольно высокие для СССР каблучки. Да и на лицо была очень и очень приятная...

– На молоточек смотрите, – докторша отвлекла меня от нескромных мыслей. – Сюда. Теперь сюда. Так, ноги на ширине плеч, руки вперед, глаза закрыть. Правым указательным пальцем дотроньтесь до кончика носа. Теперь левым. Открывайте глаза, можете одеваться. Во время приступа что почувствовали?

– Шел, упал, закрытый перелом, очнулся – гипс... – меня снова потянуло на неудачные шутки, и я тут же поправился. – Голова закружилась, потерял сознание. Пришел в себя – и вот. В целом все отлично, чувствую себя на все сто. Процентом, если что, а не лет.

– Раньше так падали? – сосредоточенно уточнила она, пропустив мимо ушей мою очередную попытку поюморить.

– Нет, в первый раз. И, надеюсь, в последний. Хотя, конечно, если на вызов будете приезжать вы...

– Прекратите паясничать! – докторша гневно сверкнула глазами. – Бюллетень нужен?

– Что? – удивился я. – А, больничный? Нет, спасибо, я лучше поработаю.

– Хорошо, – сухо кивнула она. – Тогда наблюдаете за своим самочувствием, а послезавтра ко мне на прием. Вам бы обследоваться. Городская поликлиника, подойдете в регистратуру к восьми утра, я предупрежу. Потом сразу на прием.

– А в какую поликлинику? – спросил я, разом вспоминая все любгородские медучреждения и кабинеты врачей общей практики.

– Городская поликлиника одна, – красавица-доктор вздохнула, посмотрев на меня как на умственно отсталого. – Врач Ямпольская Аглая Тарасовна.

– Спасибо, – с чувством сказал я. – Обязательно приду. Извините.

– До свидания.

Докторша развернулась, кивнула молчаливому медбрату и покинула мой кабинет. А я, тщетно пытаюсь вспомнить, как мог выглядеть главред Кашеваров, подошел к зеркалу, закрепленному на слегка приоткрытой дверце платяного шкафа.

Твою ж дивизию! А я еще думаю, почему эта красотка Ямпольская на меня так смотрела?

Глава 2

На меня воззрилось мое отражение. Вернее, не мое, а того, кем я был в этом странном затянувшемся сне. Еще не старый, но уже обрюзгший и начавший лысеть мужик лет сорока. Точно, Кашеварову в восемьдесят шестом было примерно столько же, сколько и мне в две тысячи двадцать четвертом. Только выгляжу я, уж простите, Евгений Семенович, намного стройнее и симпатичнее.

И если это мое сонное приключение затянется надолго, мне бы, конечно, хотелось быть... скажем так, более привлекательным. А потому прям с сегодняшнего дня – бег от инфаркта, зарядка и велосипед. Если нет своего, значит, возьму в прокате. Решено!

– Евгений Семенович, уже можно? – раздался за дверью робкий голос Зои Шабановой.

– Да-да, коллеги, войдите! – ответил я.

В кабинет тут же ввалились толстый и тонкий, фотограф Леня, Зоя и – вот ведь незадача! – Клара Викентьевна.

– Итак, – я распрямился в струнку, одновременно пытаюсь втянуть животик. – Прошу меня извинить за инцидент и... Отдельно хочу поблагодарить за беспокойство относительно моего здоровья. Отставим волнения и вернемся к работе. Заранее простите за перебои в памяти. И был бы признателен, если будете помогать, напоминать... Эм-м, перед моим обмороком мы чем занимались?

– Вы меня ругали за плохую статью, – густо покраснела Зоя, у которой это, судя по всему, было особенностью организма. – Даже из своего кабинета пришли специально.

– А я разве не тут сижу? – я покрутился на месте, потом вспомнил, как наша старая гвардия с трудом принимала в свои кабинеты новых сотрудников.

Сколько стонов и причитаний выслушал тогда наш гендир Сергей Антонович Рокотов, когда реорганизовывал доставшееся ему наследство! Некоторые пожилые корреспонденты даже просто не хотели переезжать в другие кабинеты. А уж сколько наши девчонки вроде Катьки с ее разноцветными дредами выслушали нравоучений!.. Эх, видимо, все же не просто так мне этот сон снится.

– Наши с вами кабинеты напротив друг друга, – с несколько фривольной улыбкой сообщила Клара Викентьевна. – С единой приемной. Пойдемте, я вас провожу.

– Благодарю, – кивнул я. – А давайте-ка, кстати, у меня в кабинете и посидим – обсудим ближайший номер. Когда мы его сдаем?

– В следующий вторник, – удивленно ответил толстый, которого, как я теперь знал, звали Арсением Степановичем Бродовым. Фамилия именно сейчас всплыла из подсознания. – Выход в среду утром, накануне сдача в типографию.

– Ага, ага, – задумчиво произнес я. – Что ж, пойдемте, обсудим план номера.

Я решительно вышел в коридор и направился к начальственному кабинету. Куда идти, мне теперь было понятно – за четыре десятилетия план здания не изменился, так что свое место я быстро найду. Мы сейчас на четвертом, значит, всего лишь нужно повернуть налево и пройти несколько шагов.

В моей обычной реальности на стене размещались стенды с историей газеты и всего маленького холдинга. Там же висели и фотографии известных людей, имевших то или иное отношение к нашей редакции. Журналисты-фронтовики вроде Александра Христофорова и Иосифа Кантора, наш местный писатель Владимир Павлентьев, автор романа «Зори над Любгородом», и главред перестроечных времен – Евгений Кашеваров. Тот самый, роль которого я исполняю в своем горячечном сне. А я ведь еще ходил мимо и не обращал никакого внимания на его портрет.

Но здесь, в этой реальности, были просто голые стены, выкрашенные светло-коричневой краской. Как в студенческих общежитиях и больницах – когда-то давно, в моем детстве. Так, теперь направо. Действительно, все та же большая приемная и две начальственные двери напротив друг друга. Моя и Клары Викентьевны.

– Евгений Семенович, – испуганная девочка-секретарь при моем появлении подскочила, – вам звонили из райкома, настоятельно просили зайти. Это по поводу слета комсомольских поэтов...

– Кхм, – позади меня раздалось покашливание, и я каким-то шестым чувством определил, что это Клара Викентьевна.

– Я перезвоню им, – решительно сказал я и застыл, мучительно вспоминая имя секретаря. – Э-э...

– Валентина, – шепнул тонкий, поняв, что у меня снова проблемы с памятью.

– Да, Валечка, сообразите нам кофе на всех, – благодарно кивнув подчиненному, я распорядился насчет поляны.

– Извините, Евгений Семенович, – секретарша все еще стояла, а в ее голосе появились панические нотки. – Но кофе нет... Есть чай, цикорий... Может, какао? Но его ведь варить надо...

Точно! Я же совсем забыл, что это в наше время кофе хоть отбавляй. А раньше его было не так уж просто достать. Тем более на такую ораву. А ведь кстати...

– Валечка, соберите мне весь журналистский коллектив, – я вовремя сообразил, что бумажный еженедельник вряд ли делали только толстый с тонким и молоденькая корреспондентка. – Подчеркиваю, только журналистов. И... возьмите себе в помощь Зою и Клару Викентьевну.

Мое предложение было встречено неоднозначно: если Валя облегченно вздохнула, а Зоя с готовностью бросилась ей помогать, то парторг явно не рассчитывала таскать чашки с ложками и заваривать чай.

– Мне кажется, девочки управятся и вдвоем, Евгений Семенович, – тихо, но строго сказала она. – И потом... Вы уверены, что планерку нужно проводить в вашем кабинете, а не в ленинской комнате, как обычно?

– Уверен, Клара Викентьевна, – я улыбнулся. – Начальство должно быть ближе к народу, разве не так? Вот все вместе посидим, распланируем номер... Поставим на повестку другие важные вопросы. А совместный труд, как вам хорошо известно, объединяет. Так что извольте все же помочь Зое и Вале.

– Хорошо, – ледяным тоном ответила парторг, а тонкий едва слышно захихикал.

– Ну, ты даешь, Евгений Семеныч, – прошептал он. – Так ее на место поставил!

– Потому что коммунизм наступил, слуг нет, – ответил я бытовавшей в моем студенчестве шуткой. – А господ, как известно, еще в семнадцатом прогнали. Жду всех через пять минут!

Когда я открыл дверь в кабинет, на меня буквально пахнуло историей. Старая бумага, потертая кожа, мебель из ДСП. Запыленные, несмотря на регулярную уборку, вымпелы и знамена. Как будто в детство попал, когда мама и папа время от времени брали меня на работу – в сельхозтехнику и на цементный завод. И там, и там были ленинские уголки, но тут, в редакции, их организовали как минимум два. В будущем конференц-зале, откуда в девяностые вынесут бюстики вождя с кумачовыми флагами, и здесь, в кабинете Евгения Кашеварова.

Я просто стоял и вдыхал в себя эту ностальгию. Как хорошо, что в коме я вижу именно такой сон. Да еще настолько реалистичный, что я снова чувствую запахи. Теперь нет никаких сомнений, они здесь повсюду, и я действительно их ощущаю, что с легкостью можно проверить в любой момент, просто поглубже вдохнув. Может, это фантомные ароматы, которые мой мозг

пытается в бессознательном состоянии компенсировать? Я ведь после самого первого ковида, перенесенного еще в две тысячи двадцатом, так и не восстановился. А впрочем...

В дальнем конце кабинета, под огромным портретом Владимира Ильича, располагалось столь же громадное кожаное кресло. Все остальное пространство занимал Т-образный стол, явно рассчитанный на высокий прием партийных делегатов. И правда, зачем собирать людей в ленинской комнате, когда главный редактор сидит в таком удобном кабинете?

– Уже можно? – в дверь робко просунулась Валя, держащая в руках поднос с дымящимся чайником и кучей чашек, за нею топталась Зоя с еще одним подносом.

– Да-да, заходите, девчонки, – я опомнился и поспешил занять свое место.

А в кабинет тем временем вошли не только девушки, но и весь остальной коллектив. В том числе красная, как вареный рак, Клара Викентьевна с третьим подносом, на котором высились горы сушек и дешевых конфеток «дунькина радость». Бабушка, помню, их очень любила...

Стол очень быстро заставили чашками с блюдами, Валя и Зоя разливали всем чай, парт-орг же молча подошла ко мне, пока я устраивался на кожаном троне, и протянула чашечку с крепким кофе. Именно кофе, его аромат я узнаю даже во сне и в коме. Значит, вот как? Народ и партия едины, но, как говорится, разные магазины? Ничего, я эту Клару еще пропесочу за подобное отношение. Жаль, если реальный Кашеваров этому потакал.

Мелькнула мысль, что партторгшу надо бы отправить восвояси, потому что я четко озвучил: только журналисты. Но мне и так придется говорить с каким-то важным дядечкой из райкома по поводу проваленного Зоей задания, а ссориться вот так сразу с редакционным парт-оргом было бы глупо. Если что, это именно она будет нашим щитом перед бонзами из КПСС.

А народ все рассаживался и рассаживался, вгоняя меня в белую зависть. В двадцать первом веке целый информационный портал с телеграм и ютуб-каналами делают гораздо меньше сотрудников. И даже если добавить нашу старую гвардию с ее принтом³, все равно редакция образца восьмидесятых будет гораздо многочисленнее. С другой стороны, я еще не знаю, кто насколько талантлив.

Вот сейчас мы это и выясним!

³ Принт – на профессиональном сленге печатная продукция (газеты, журналы).

Глава 3

– Добрый день, товарищи! – бодро начал я и обвел внимательным взором притихший коллектив. Пятнадцать человек! И это не считая меня с Кларой Викентьевной, которая вообще не журналист, а кто-то вроде замполита в армии.

– Здравствуйте! Добрый день! – нестройно ответил коллектив, явно настороженный непривычного вида планеркой с чаепитием. Кстати, об этом.

– Не стесняйтесь, коллеги, наливайте себе покрепче, берите конфетки-бараночки, – все так же бодро продолжил я. – Нам с вами предстоит мозговой штурм...

– Какой, простите? – переспросил высокий иссохший старик с набрякшими мешками под глазами.

– Мозговой, – повторил я. – Как говорят американцы и англичане, brain storm.

– Вот и пусть говорят, как им нравится, – возмутилась Клара Викентьевна. – А у нас планерка.

– Планерка, – покладисто согласился я. – Итак, сдача номера у нас с вами в следующий вторник, и к этому времени нам нужно заполнить, – я быстренько вспомнил объем нашего еженедельника, – тридцать две полосы. У кого какие предложения, товарищи?

– Все по стандартной схеме, Евгений Семенович, – толстый Арсений Степанович поднял руку. – Зачем изобретать велосипед? Четыре полосы забьем телепрограммой, так что уже двадцать восемь. Разворот на второй-третьей – новости, милицейские сводки, несколько цифр из ЗАГСа.

– Принимается, – кивнул я. – Но нам еще нужно чтиво. Аналитика, репортажи, в конце концов – интервью.

– Шабанова еще может взять интервью у поэта Василия Котикова, – тут же вмешалась Клара Викентьевна. – На слете он получил оvation хуцовеца.

– Я бы объединил материал Зои про кавер-группы... – я принялся думать вслух и тут же осекся. Что-то меня не в ту сторону понесло, начиная с «брейнсторма». Как там рок-группы-то назывались в то время? – Ансамбли! Вокально-инструментальные ансамбли Любгорода...

– Андроповска, – поправила меня парторгша, гневно сверкая глазами.

– Сейчас Андроповска, верно, – машинально сказал я, чем вызвал изумленный ропот. – Но скоро на волне перестройки начнется масштабная кампания по возвращению исторических названий.

– Это вам в райкоме сказали? – Клара Викентьевна даже очки сняла и протерла их клетчатый платком.

– У меня свои связи в партии, – уклончиво ответил я. – Но давайте, действительно, не будем все это беречь раньше времени. Итак, Зоя, ваша задача: подготовить материал на полосу о разнообразии молодежной культуры. Поговорите с этим, как его, Котиковым, потом возьмите интервью у пары фронтменов... Прошу прощения, солистов самостоятельных ансамблей.

– Поняла! – девушка расцвела словно пышная роза, явно оценив масштаб идеи.

– И снимать не забудьте, – добавил я. – Леню возьмите, он хорошо ловит портреты.

– Вы мне льстите, Евгений Семенович, – смущенно пробормотал Фельдман, а меня уже несло дальше.

– Так, я жду новых идей, товарищи, – я даже хлопнул кулаком по столу, напугав Зою и еще парочку неприметных девчонок. – И на чай, коллеги, налегайте на чай.

Видимо, мой тон был совсем непривычным для Кашеварова, и журналисты скорее с опаской, чем с воодушевлением, стали наливать себе чаю и передавать друг другу конфеты с сухими.

– Дальше, – во мне неожиданно вспыхнул азарт, и я даже на время забыл, что все это мне снится, а сам я на самом деле валяюсь без сознания на больничной койке. – Нужны острые материалы. Репортаж со скорой, из милицейских рейдов... Поисковые отряды надо бы потясти.

– Но у нас нет поисковых отрядов, – робко возразила Зоя Шабанова и опять покраснела.

– Значит, появятся, – я рубанул рукой воздух. – Ну?

– Репортаж из милицейских рейдов... – длинный, которого, как я вспомнил, звали Виталий Бульбаш, с интересом прищурился. – Есть у меня в отделе хороший знакомый – капитан Величук, Платон Григорьевич. Могу с ним поговорить.

– И давно пора! – распалился я. – Договоритесь с ним, товарищ Бульбаш, чтобы его парни взяли вас с собой покататься в патруле. Желательно в ночном.

– Легко, – с довольной улыбкой ответил длинный.

Я понял, что мне необходим план номера, порыскал в ящиках стола, достал писчую бумагу и карандаш. Задумался, вспомнил, как работали опытные журналисты, у которых я начинал еще практикантом. Так, раскидаем весь тридцатидвухполосник по блок-схеме. Первая и последняя – по одной, все остальные – в разворотах⁴. Пока что у меня распределены только четыре.

– Без спорта никак, Евгений Семенович, – подняла руку и встала крепенькая девчонка с двумя косичками крендельком. – Наши с калининской «Волгой» отыграли, я репортаж пишу. Снимки Андрей сделал.

Она указала на худого чернявого паренька, сидевшего рядом с Леней Фельдманом. Точно, фотограф же в редакции не один. Значит, Андрей... А эту спортивную деваху, по моему, зовут Анфисой. Анфисой Николаевой! А ведь я ее знаю... У нас она лет пять назад ушла на пенсию, тоже из старой гвардии. Говорили, что она очень круто пишет, но я, к своему стыду, ни разу ее статьями не интересовался. Просто не люблю спорт, если честно. Сам на велосипеде и на лыжах катаюсь, в бассейн хожу. Но так, чтобы следить за футболом, к примеру... Нет, точно нет.

– Анфиса, это очень хорошо, – одобрил я вслух. – Только давайте мы добавим к репортажу интервью с самым результативным игроком.

– С Чеботаревым? – уточнила спортсменка. – Но другие обидятся... Все-таки командная игра, футбол.

– И пусть обижаются! – рявкнул я. – Кто газета? Мы! Кто решает, у кого интервью брать? Мы решаем! Хотят, чтобы их портреты на первой полосе красовались – пусть догоняют и перегоняют Чеботарева! Понятно?

– Так точно, Евгений Семенович! – неожиданно гаркнула Анфиса, вытянувшись в струнку, словно солдат в строю.

– Вот и отлично, – удовлетворенно кивнул я. – Еще?

– Культура, – раздался тихий вкрадчивый голос. – Я имею в виду в самом широком смысле, не как у Зои.

Я поискал глазами источник звука и остановился на тетушке лет шестидесяти в круглых очках и разноцветном шарфике. Волосы у нее были всклокочены и торчали в разные стороны, как у собачки-болонки. Но глаза тетушки светились, и ей было точно плевать на то, как на нее смотрит редактор. Главное – это ее работа, ее идеи и мысли.

– Что предлагаете? – я вежливо кивнул ей, и подсознание уже гораздо быстрее с готовностью подсказало мне имя. – Марта Рудольфовна, судьба культуры Андроповска в ваших руках.

– Вы наверняка знаете, что стартовал новый театральный сезон, – воодушевленно принялась рассказывать товарищ Мирбах, в мое время, к сожалению, уже покойная театральная

⁴ Разворот – две газетные полосы.

журналистка, уехавшая из Любгорода в Санкт-Петербург еще в лихие девяностые. Черт, вот ведь легендарных людей подкидывает мне мое подсознание! – Так вот, в нашем районном доме культуры будут ставить Чехова. Гастроли Калининского драматического.

– С вас полоса, дорогая Марта Рудольфовна, – тепло улыбнулся я. – Формат – на ваше усмотрение.

– Благодарю, Евгений Семенович, – тетушка даже растрогалась. Неужели реальный Кашеваров и вправду такой сатрап? – Я напишу критическое эссе.

– Осмелюсь вставить свои пять копеек, – раздался бархатный голос толстого. – Вы не забыли о обязательных полосах партии и правительства? Решения местных советов, почта профсоюза, вести с полей...

– Вот вы, Арсений Степанович, этим и займитесь, – я широко улыбнулся.

– Но это ведь шесть полос! – толстый чуть не выпрыгнул из подтяжек.

– Возьмите помощников, – отмахнулся я. – Что вы, в самом деле? В первый раз, что ли?

Раздался смешок. Поначалу неуверенный, но потом, после моей еще более широкой улыбки, уже осмелевший и громкий. А когда рассмеялся сам Арсений Степанович Бродов, весь коллектив прямо-таки грохнул. Но от моего взгляда не ускользнуло странное выражение лица толстого – он хоть и улыбался, но глазами сверлил меня, будто хотел протереть дыру. Надо будет, пожалуй, к нему внимательно присмотреться.

– Так, ладно, товарищи, – я показал, что уже можно перестать смеяться. – Этому номеру не хватает сенсации. Что у нас на повестке дня? Тысяча девятьсот восемьдесят шестой год... Кто поедет в Чернобыль? Или в Афган?

В кабинете воцарилось гробовое молчание.

Глава 4

– Евгений Семенович, – первой нарушила тишину Клара Викентьевна. – Мы все-таки районная газета, пишем о родном крае. Это в союзном центре затрагивают такие темы, вы же понимаете...

– И что? – я не сдавался, потому что это был мой сон, и никакие парторги не должны его портить.

– А то, что наших журналистов туда просто-напросто никто не пустит, – Клара Викентьевна всплеснула руками. – В Чернобыле работают ликвидаторы, там опасно... И еще я не уверена, что нам выдадут допуск. А в Афганистане...

Она вздохнула, и я немного попридержал коней. На дворе тысяча девятьсот восемьдесят шестой, перестройка лишь недавно началась, а гласность еще не заявила о себе в полную силу. Да, именно чернобыльская катастрофа во многом станет ее катализатором, но пока... Пока парторгша Громыхина права. Информация из Афганистана и Чернобыльской зоны проходит десятки инстанций, и журналистов районки туда точно не допустят на пушечный выстрел. А ведь вторая половина восьмидесятых, время излома – это просто рай для репортера из будущего вроде меня. Непосредственные участники тех событий, которые еще молоды и полны сил, могут столько всего рассказать! Они пока еще полны энтузиазма, никто из чиновников не вытирает о них ноги, как это будет в лихие девяностые. Ни у одного облеченного властью язык не поворачивается сказать, что «лично он их туда не посылал». А ведь я знаком с несколькими такими людьми в будущем. Слышал от них самих о тех унижениях, которым их подвергали особо ретивые функционеры на местах. Помню, как им было обидно, сколько боли звучало в голосах этих потерявших здоровье людей... И все же главред я или не главред?

Да, я не доктор и не физик-ядерщик. Я не знаю, как лечить лучевую болезнь и радиационные ожоги. Не могу ускорить строительство проекта «Укрытие» и не в силах остановить мародеров. Но мы, журналисты, не даром называемся четвертой властью. И в те времена, когда печатному слову верили безоговорочно, у меня есть шанс воспользоваться гласностью. Рассказать о проблемах тех, кто вернулся из зоны отчуждения. Сделать так, чтобы о них узнали, услышали их голоса. И помогли бы гораздо раньше.

– Хорошо, – подумав, сказал я. – Наверняка в нашем городе есть вернувшиеся ликвидаторы. Они смогут нам рассказать кучу интересной фактуры, а мы осветим их подвиг. Клара Викентьевна, ваша задача найти побывавших там земляков и пробить в райкоме разрешение на материалы...

– Что сделать? – выпучила глаза Громыхина.

Тьфу ты, опять сбился на разговорный сленг двадцать первого века. Надо быть внимательнее.

– Разузнайте, пожалуйста, – поправился я. – И добейтесь разрешения на разговоры и публикации.

– Поняла, – кивнула Клара Викентьевна. – Товарищ Краюхин, хочу напомнить, ждет вас сегодня по поводу слета комсомольских поэтов. Можем пойти к нему вместе, вы доложите ему о решении вопроса со статьей о молодежной культуре, а я... Я попробую уговорить его дать нам возможность пообщаться с ликвидаторами аварии на атомной станции.

– Спасибо, – я искренне поблагодарил парторгшу. – Буду очень признателен, Клара Викентьевна. А теперь, коллеги... Я бы все-таки попросил вас подумать о сенсации в номер.

– Сектанты, – подала голос неприметная до этого девушка в темном платье, худенькая и черноволосая. – На городском кладбище начали орудовать сектанты.

– Так-так-так, – подбодрил я ее. – Напомните, пожалуйста, как вас зовут?

– Соня Кантор, – с готовностью ответила девушка. – То есть... Извините, София Адамовна Кантор. Корреспондент.

Кантор. Знакомая фамилия. Точно! Вот ведь я дурень, сам же недавно вспоминал портреты известных сотрудников, висящих в коридоре нашего холдинга. Иосиф Кантор – военный корреспондент «Любгородских известий», отец Адама Кантора, спецкора по криминальной хронике... А эта скромная девушка с типичной семитской внешностью – его внучка. Тоже, к слову, из старой гвардии, ветеранов районной журналистики. Только если Марта Мирбах потом уехала в Питер, то София Адамовна Кантор в те же приснопамятные девяностые репатрировалась в Израиль. И возрожденные «Любгородские известия», занявшие место «Андроповских», потеряли вместе с ее отъездом отличного журналиста-расследователя. Но все это в моем интересном сне пока еще не наступило, и молодая София Кантор сейчас у меня в подчинении. Эх, нам бы в две тысячи двадцать четвертый год этих фанатов своего дела! Кажется, я начинаю совсем по-другому относиться к нашим пожилым корреспондентам...

– Спасибо, София Адамовна, – все это пронеслось в моей голове за считанные секунды, и я вежливо кивнул будущей звезде журналистских расследований. – Извините мою забывчивость, скоро все придет в норму. Так что вы там говорите про сектантов на кладбище?

Вся редакция с неподдельным интересом повернулась к Соне, и та тихим, но уверенным голосом принялась рассказывать.

– Это было одиннадцатого октября, на прошлых выходных. В этот день отмечается Покровская родительская суббота, и одна семья пришла на кладбище убраться на могилах...

От меня не укрылось выражение лица Клары Викентьевны, когда она услышала о церковном празднике. Как парторг товарищ Громыкина этого, разумеется, не одобряла, однако благоразумно промолчала. И это прекрасно, потому что от истории Сони уже веяло чем-то таинственным. А еще – жареным⁵.

– Так вот, – продолжала девушка, – они заметили, что могила их родителей и еще несколько соседних подкопаны. В чужие эта семья, разумеется, не полезла, но из захоронения родственников достали... кости животных, черепа. А рядом, в мусорной яме, нашли зарезанную белую козу.

– Ох-х! – по кабинету разнесся тяжелый вздох.

– А что милиция? – сосредоточенно спросил я, удивляясь, почему все остальные слышат об этом впервые.

– Насколько я знаю, они приезжали, составили протокол, – пожала плечами Соня. – Но больше мне ничего не известно... А что самое жуткое – я ведь еще не все рассказала... Рядом с могилами валялись миниатюрные гробики с фотокарточками людей.

– Так, – во мне моментально включился журналистский азарт. – Начинаем собственное расследование. Валя! Валентина! Зайдите, пожалуйста!

Только покричав на всю округу, я, к своему стыду, осознал, что на моем столе стоит коммутатор, и секретаршу можно было вызвать одним нажатием кнопочки.

– Да, Евгений Семенович? – тем не менее, никто не засмеялся, и даже сама Валентина не подала виду, что я сделал что-то не так.

– Валя, свяжитесь с Доброгубовым и скажите, чтобы готовил машину к городскому кладбищу. Если будет перечить, переключайте на меня.

– Хорошо, Евгений Семенович, – с готовностью кивнула Валя. – Я подготовлю путевой лист. На кого выписывать редакционное задание?

– На Софию Кантор, – не раздумывая, сообщил я и потом добавил: – На фотографа Леонида Фельдмана. И я тоже поеду.

⁵ «Жареный» материал – актуальный, сенсационный, вызывающий общественный резонанс.

– Евгений Семеныч, разреши мне? – неожиданно поднял руку худой и длинный Виталий Бульбаш.

– Едем, – согласился я. – Остальные – готовим свои материалы. По запросам обращайтесь к Вале... Впрочем, вы все знаете. Я на телефоне... – сказав так, я тут же осекся, вспомнив, что никаких мобильных тут и в помине нет. – Буду, когда приеду.

С машиной никаких проблем не возникло. Когда мы собрались и спустились к крыльцу, нас уже ожидала черная двадцать четвертая «Волга» с водителем средних лет. Любопытная деталь, кстати, потому что районкам обычно выдавали «уазики». Об этом наши ветераны рассказывали, когда вспоминали, как их помотало по деревням и колхозам, и как весело было идти за трактором, посадив советский джип в грязевую яму. А покойный редактор, кого я сейчас изображаю во сне, был тем еще сибаритом – ездил на продукции Горьковского автозавода. За что ему мысленная благодарность от гостя из будущего. Итак, я сел впереди, Соня с Ленею и Бульбашом разместились сзади. А потом мы поехали по советскому Андроповску, который пока еще не успели переименовать обратно в Любгород.

Машин встречалось намного меньше, чем в наше время, зато было гораздо больше автобусов – желтые шестьсот семьдесят седьмые ЛиАЗы с «бутылочным» звуком двигателя, длинные венгерские «Икарусы» с гармошкой. Нам даже попался один шестьсот девяносто пятый ЛАЗ, который я в собственной реальной жизни видел только в старых советских фильмах и на фотографиях.

В голове промелькнула мысль: а может, все это – не сон? Слишком уж он подзатынулся, да и выглядит все как-то уж слишком реально. Но если мне ничего не чудится, то как тогда я попал в прошлое? Реинкарнация? Переселение душ? Не просто же так я очнулся в теле Кашеварова...

– Приехали! – доложил водитель, отвлекая меня от нелегких раздумий.

Раньше в Любгороде было огромное старое кладбище под названием Успенское – в самом центре города, рядом с главным собором с таким же названием. Но в тридцатых годах прошлого века его взорвали, а вместо погоста построили парк. В свое время о нем ходили разные жуткие истории, даже люди, говорят, пропадали. Но в двадцать первом веке об этом уже просто не думали и каждый год теперь проводили день города, как в Твери. С мороженым, аттракционами и салютом.

А вот другое кладбище, которое называли просто городским или муниципальным, сохранилось, оставшись единственным действующим. Более того, остался в относительной целостности и центральный вход – красивая арка из красного кирпича. Сейчас, правда, перед нами предстала довольно обшарпанная конструкция, и общее зрелище с учетом промозглой октябрьской погоды вызывало тоску.

– Соня, вы знаете, куда идти? – я повернулся к внучке знаменитого военкора, и тут же после моих слов пронзительно каркнула ворона. – А ты помолчи!

Птица возмущенно захлопала крыльями и улетела, а Ленья подхватил ее на лету и сделал кадр с проводкой. Я про себя отметил, что именно сейчас, при мне, и рождается его профессиональный талант. Точнее, уже родился, а теперь только крепнет.

– От центральной входной группы по главной аллее, – ответила, провожая ворону взглядом, Соня. – Метров сто примерно, далековато довольно. Я покажу.

Глава 5

Соня шла первой, за нею я. Следом не отставал длинный Бульбаш, который затащил крепкую невкусную сигарету. Леня замыкал нашу небольшую процессию, периодически щелкая затвором. Лично я никогда не понимал кладбищенской эстетики, и особенно любви к ней у молодых готов, которые устраивали свидания под полной Луной у старинных могил...

Однако сейчас я во все глаза пялился на окружавший нас унылый ландшафт. Помимо советских обелисков с пятиконечными звездами здесь попадались старинные каменные надгробия времен Российской империи. Надписи поистерлись, но кое-где были видны «еры» и «яти», характерные для дореволюционной грамматики. Еще я заметил совсем уж непривычные надгробия, которые раньше мне не попадались: словно циферблаты часов на железном штыре. А внутри, под стеклом, не стрелки с числами, а фотографии покойных. Сами «циферблаты», судя по всему, были изготовлены из жести и при беглом рассмотрении казались похожими на старые тазики.

– Чтобы от дождя защищать портреты, – отметив внимательным взором мой интерес, пояснил Бульбаш. – Раньше таких много было, но ты, скорее всего, не помнишь.

Тонкий снова перешел на «ты», и мне стало интересно, какие у них с Кашеваровым отношения. Друзья-товарищи? Коллеги, которые начинали одновременно, а потом его, то есть меня, повысили до редактора? Едва я об этом подумал, как память услужливо подсказала: Бульбаш сам был редактором, когда Кашеваров пришел в газету, учил его, правил тексты. А потом Бульбаша сместили из-за обидной, как он говорил, особенности организма – Виталий Николаевич пил. Даже бухал. По-черному. Газету сдавал без задержек и проволочек, тут к нему не было никаких претензий. Но каждую пятницу, а иногда и уже в четверг... В общем, в райкоме грохнули кулаком по столу, Бульбаша разжаловали, переведя в старшие корреспонденты. На его место поставили Бродова, но тот, тоже мужик талантливый, руководить не любил и часто брал бюллетени. Кашеваров его замещал и в итоге сам стал редактором. А потом, проводив на пенсию Климента Фатеева, еще и ответственным секретарем. Обе должности карьерист Кашеваров совмещал с легкостью, и никто не был против такого статуса-кво. Бродов же и Бульбаш числились теперь его заместителями. То есть моими.

– Вот она, эта могила, – Соня остановилась и указала до сих пор подкопанную плиту. – Ее не убрали, потому что милиция не разрешила.

– Бог ты мой, – пробормотал Бульбаш, быстро прикурил еще одну сигарету и достал из кармана помятый блокнот с огрызком карандаша.

– Леня, снимай! – приказал я. – Все снимай, тщательно, с разных планов. Больше фоток, потом отберем лучшие.

– Евгений Семеныч, у меня с собой только одна пленка на смену, – виновато сказал фотограф, и я опять мысленно чуть не треснул себя по лбу.

– Тогда действуй как считаешь нужным, – я повернулся к нему. – Самое главное, чтобы снимки были яркими, скандальными, чтобы бросались в глаза...

– Понял, – кивнул Фельдман и принялся за работу.

Я осмотрел место преступления – иначе и назвать такое безобразие было нельзя – и сразу отметил несколько ключевых точек. Могила и впрямь подкопана, а рядом валяются раздробленные кости. К счастью, явно животных, а не людей. Раз. К дереву, что росло рядом, туго примотан альпинистский трос. Причем не новый, только что из магазина, а старый, потертый и даже чем-то заляпанный. Два. И туша мертвой белой козы в яме, аккуратно приваленная еловыми ветками. Над трупом животного вились мухи, но запаха не было – ветер относил его в сторону.

– Какой ужас, – покачала головой Соня, но сразу же переключилась в рабочий режим и взялась за осмотр оскверненной могилы.

Бульбаш что-то строчил в блокноте, у него стерся грифель, и он расковырял карандаш ногтем. Я было удивился: почему бы не взять ручку, чтобы так не мучиться? А потом вспомнил – наша старая гвардия тоже предпочитала чернильным и гелевым навороченным ручкам простые карандаши. Как бы крута ни была канцелярия, чернила могли вытечь или, наоборот, высохнуть. Ручка могла промокнуть, сломаться, перестать писать, просто следуя закону все-ленской подлости. А дешевый простой карандаш был незаменим и практически неубиваем.

– А это что такое? – размышления не мешали мне внимательно разглядывать окрестности, и я приметил у кучи веток с козой какую-то маленькую размокшую коробку.

Подошел ближе, нагнулся, раздумывая, брать ли эту дрянь в руки. Потом все же аккуратно поднял и тут же инстинктивно отбросил в сторону. Коробочка оказалась нестандартной, но очень знакомой формы: кто-то, обладающий нездоровой тягой к странным развлечениям, изготовил миниатюрный картонный гробик. Внутри него были набиты тряпки, из которых с намокшей и начавшей расползаться от сырости фотографии на меня смотрело лицо женщины. Улыбающейся и щурящейся от солнца. Но с учетом всей этой кладбищенской атмосферы улыбка виделась мне мрачным оскалом.

– Леня! – позвал я фотографа. – Иди-ка сюда! Сделай снимок и постарайся запечатлеть лицо. Нам надо будет найти эту женщину.

– Тьфу ты! – в сердцах выругался Фельдман, когда подошел ближе и увидел страшненькую коробочку. – Вот что в голове у того, кто так делает?

– Маргарин, Леня, – я покачал головой. – Если хотя бы он есть. Интересно, почему милиция это не забрала?

– Скорее всего, пропустили, – предположила Соня. – Тут все-таки их много валялось, могли не заметить.

– Может, и так, – Бульбаш выпустил струю дыма. – А может, просто не стали брать.

– Почему это? – изумился я.

– Так ведь преступления как такового нет, – Виталий Николаевич показательно развел руками. – Козу ведь убили, не человека. И гробы эти мелкие – скорее дурацкая шутка. Хулиганка и вандализм.

«И жестокое обращение с животными», – хотел было добавить я, но вовремя вспомнил, что в уголовном кодексе СССР такой статьи не было. А вот ненормальных, у которых в голове черт знает что, их уже хватало. И сейчас, в этом времени, в Ростовской области еще разгуливает Чикатило, а в Подмоскowie – Фишер. С ними советской милиции еще предстоит схлестнуться по-настоящему, а пока в Союзе даже нет такого понятия как «серия». Серийный убийца. И кто знает, как далеко может зайти сумасшедший, который клепает миниатюрные гробики, кладет в них фотки людей и забивает животных среди могил?

– Если преступления нет, то это вовсе не значит, что оно не планируется! – я был возмущен. – Может, это угроза? Как черная метка! Вдруг эти психи от коз перейдут к человеческим жертвоприношениям?

– Семеныч, вот ты разошелся, – попытался меня успокоить Бульбаш. – Какие жертвоприношения? Здесь? В Андроповске?

– Смотрите, тут кинжал, – неожиданно воскликнул Леня, который в поисках удачных ракурсов отошел довольно-таки далеко от изначального места съемки.

Мы с Бульбашом закончили перепалку и одновременно вместе с Соней повернулись к нему. Фотограф стоял, наклонившись, над кучей прелой листвы под кладбищенской яблоней, и что-то брезгливо, но сосредоточенно рассматривал. Я с неожиданной для доставшегося мне обрюзгшего тела ловкостью подбежал к нему и посмотрел туда, куда Леня указал пальцем.

Среди начавшей разлагаться листвы и впрямь затерялся кинжал. Короткий и загнутый, словно звериный коготь. А вертикальная рукоятка, как у штопора для открывания бутылок, напоминала формой то ли морского конька, то ли...

– Это что, черт? – удивленно воскликнул Бульбаш, подойдя поближе и тоже наклонившись.

– Нет, – рядом встала Соня. – Это демон. Похож на те статуи, которые в детском доме...

– В поселке Лесозаготовителей? – понимающе уточнил Фельдман.

– Ага, тот самый, – кивнула девушка.

В мое время поселок Лесозаготовителей давно расселили. А детский дом из старой усадьбы переехал в новое здание после пожара, который случился в конце восьмидесятых. В две тысячи двадцать четвертом от старого дворянского гнезда остались только стены с рухнувшими перекрытиями... Никто там ничего путного не делал, и усадьба больше тридцати лет просто гнила, разрушалась, превращаясь в очередной памятник человеческому бескультурию.

– На нем кровь, – отметил я, аккуратно раздвинув ветви подобранной поблизости палочкой.

Кривой кинжал с рукояткой в виде оскалившегося демона выглядел и впрямь мерзко. Судя по всему, именно им и убили несчастную козу, а потом выбросили в мусор немного дальше от места преступления, явно понимая, что милиция такое дело расследовать не будет. Во всяком случае сыщики вряд ли искали бы по всему кладбищу орудие убийства козы. В какой-то мере их можно было понять – выглядело все это отвратительно, но не опасно. А вот портрет человека в миниатюрном гробике – это пахло либо чертовщиной, либо идиотизмом с бытовой магией, либо...

– Соня, позвоните в милицию, – обратился я к девушке. – Пусть выезжают и собирают улики, раз опростоволосились. Кровь точно нужно на экспертизу.

– Жень, может, я лучше сбегаю? – предложил Бульбаш. – Чего девчонку гонять? Только две копейки дай.

– Так ноль-два же бесплатно? – удивился я.

– Я напрямую капитану Величуку позвоню, – объяснил Виталий Николаевич. – Так быстрее и надежнее.

И снова я чуть не попал впросак. Если в редакции пусть даже образца восьмидесятых мне было все в целом знакомо, то «в поле» приходилось быть гораздо внимательнее. Как Сонька должна была позвонить? Только по таксофону, которого на кладбище явно нет. Значит, надо бежать к выходу – он либо на автобусной остановке, либо у ближайшего магазина. Так что прав Бульбаш, а еще он дельную мысль предложил сразу набрать своего знакомого.

Я похлопал по карманам пиджака, нащупал тугой кошелек, вытащил и раскрыл его. Несколько трешек, червонец и четвертак – бумажные двадцать пять рублей. В другом отделении как раз нашлась мелочь: гривенники, пятак и копейки. Я отсчитал Бульбашу несколько монет⁶ на таксофон, и он резвым кабанчиком, несмотря на свой возраст, побежал к выходу с кладбища.

А мне становилось тревожно. Только бы мой ностальгический сон не превратился в кошмар.

⁶ Звонок по телефону-автомату в СССР стоил две копейки. Использовалась либо монета соответствующего номинала, либо две по одной копейке. В экстренные службы можно было позвонить бесплатно: 01 – пожарная команда, 02 – милиция, 03 – скорая помощь, 04 – служба газа.

Глава 6

Милиция приехала быстро. Не успел вернувшийся Бульбаш выкурить вторую сигарету, как на границе слышимости скрипнули потрепанные колодки. Захлопали тяжелые дверцы – судя по кондовому звуку, явно «козлик». А вскоре и сами гости пожаловали: грузный мужчина в милицейской форме и трое парней, одетых по-граждански. Один из них выделялся темной курчавой головой и усами, за которые в двадцать первом веке его обвинили бы в старомодности, а в этом времени такой образ считался довольно стильным.

– Здорово, Григорьич, – Бульбаш протянул ладонь милицейскому начальнику, и они обменялись крепким рукопожатием.

– Привет, Виталий Николаевич, – пропыхтел тот, и я понял, что это и есть капитан Величук, знакомый моего подчиненного.

– Евгений Семенович, рад приветствовать, – офицер поздоровался со мной за руку. – Так что у вас тут случилось? Звонит мне Бульбаш, приезжай, говорит, тут какие-то бандитские метки...

– И не только, Платон Григорьевич, – я перехватил инициативу. – Ваши молодцы не все улики собрали. А мы нашли еще один маленький гробик и кривой кинжал с фигурной рукоятью. На нем кровь, надо бы экспертизу провести...

– Да козья там кровь наверняка, – поморщился Величук. – Но вы правы, Евгений Семенович. Апшилава, почему нож пропустили?

– Виноваты, товарищ капитан! – бодро ответил усатый милиционер, судя по всему, следок. – Исправимся. Сизов с ребятами уже едут.

Словно в доказательство его слов послышался мерный гул двигателя, скрип колодок и хлопанье дверцами. Это уже какая-то другая машина, побольше. Если я правильно мыслю, и милиционеры действительно зашевелились, то на ней должны приехать криминалисты.

– А вы, значит, бдите, товарищи журналисты? – Величук упер руки в боки и с серьезным видом окинул взглядом окрестности. Как будто военачальник, приехавший на позиции.

– Бдим, – подтвердил я, – еще как бдим. А то как бы серийника не... пробдеть.

Милицейский капитан уставился на меня со смесью подозрения и недоумения. Потом на его лице отразилось понимание, и он расслабился. Капитан Величук явно был из тех советских милиционеров, кто находился на своем месте. И благодаря таким неравнодушным мужикам правоохранительные органы в то время были опорой граждан. Сейчас бы, в нашем двадцать первом веке, таких побольше.

– Леня, сделай пару кадров, только без постановки, – попросил я, и Фельдман, с готовностью кивнув, принялся настраивать фотоаппарат.

– Это зачем? – спросил Величук, но скорее с любопытством.

– Советская милиция за работой, – ответил я, и тот махнул рукой.

– Тогда лучше не меня, а вон ребят, – Величук указал на усатого курчавого Апшилаву и двух его коллег, видимо, оперативников. – И Сизова с другими экспертами.

В этот момент к могилам как раз подошел колоритный дядька в жилетке-разгрузке с многочисленными карманами. Голова его блестела тщательно выбритой лысиной, а на щеках густились моряцкие бакенбарды. Следом за ним шли менее яркие парни и одна серьезного вида женщина. Поздоровавшись со всеми, они выслушали сжатый рассказ капитана Величука с моими дополнениями, после чего рассредоточились по месту преступления.

Один из парней, высокий, с длинным костистым лицом и рыбьими глазами, расчехлил фотоаппарат, почему-то недобро глянув на Леню Фельдмана. Второй вместе с женщиной направился к яме с мертвой козой. Закипела экспертная работа, и Величук, вежливо извинившись, попросил нас покинуть кладбище. Я взял с него слово, что он будет держать нашу газету

в курсе дела, и пообещал отдельно отметить профессионализм андроповской милиции. Так скажем, умолчать о том, что дополнительные улики нашли мы, журналисты.

– Леня, как вернемся в редакцию, сразу же проявляй пленку, – сказал я уже в машине. – Соня, Виталий Николаевич – вы работаете над статьей вместе. Как только будут готовы снимки, разыщите женщину с фотографии в гробике. Пообщайтесь с ней, выясните, кто и зачем мог с ней так поступить. Я так понимаю, что она не имеет никакого отношения к семье тех, кому в могилу кости подсыпали?

– Нет, – подтвердила Соня. – На фотографиях точно не их родственники.

– А это вы, позвольте уточнить, откуда узнали? – я повернулся к девушке.

– Знакомые знакомых рассказали, – улыбнулась она. – Город-то маленький.

– Отлично, – я кивнул. – Продолжайте отрабатывать контакты... То есть общайтесь со всеми, кто может сообщить массу интересного. Или даже чуть-чуть, но по делу.

– Поняла, – серьезно ответила внучка военкора.

– Интересная должна получиться история, – довольно проговорил Бульбаш.

– Вот и постарайтесь! – поддержал я. – Обнажитесь душой, нервами, чем угодно, но выдайте мне сенсационный репортаж. Если потребуется, другие материалы подвинем.

Мы как раз вернулись к зданию редакции. Дав напоследок ценные указания, я остался в машине и попросил Бульбаша, как своего зама, сообщить Кларе Викентьевне, чтобы спускалась. Меня ждет какой-то очень крутой товарищ Краюхин из районного комитета партии, и вызывать его раздражение мне бы не хотелось. Напротив, я бы лучше с ним задружился, чтобы он не вставлял мне палки в колеса. Главное, чтобы этот товарищ Краюхин оказался идейным порядочным мужиком, а не карьеристом-номенклатурщиком.

Громыхина собралась быстро, как будто ждала моей отмашки, и вскоре мы вновь ехали на черной «Волге», только уже немного в другом составе. Я попросил водителя включить музыку, и он, кивнув, вставил в магнитолу кассету. Боже мой, как давно я не слышал этот теплый ламповый звук! Не виниловая пластинка, конечно же, но по сравнению с холодным цифровым звучанием даже магнитная лента воспринимается по-другому. Аж чуть слеза не скатилась.

– Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!⁷ – раздался знакомый с детства припев, и я, прикрыв глаза, с улыбкой откинулся на спинку сиденья. Пока едем, я как раз подготовлю свою программную речь.

Андроповский райком коммунистической партии располагался неподалеку от здания редакции и высился гранитной скалой над окружившими его хрущевками. Бетонная площадка перед ним была словно вылизана, а в щелях между плитами не было ни одной травинки. Посередине, деля площадку на две равные части, тянулась длинная клумба.

– Вы только не волнуйтесь, Евгений Семенович, – зачастила Громыхина, пока мы шли к застекленному входу. – Шабановой мы сделали строгий выговор, она все осознала и сейчас активно работает над собственным исправлением. Думаю, что дополнительная полоса о роли комсомола в жизни советской молодежи все перекроет, и мы...

– Спасибо за беспокойство, Клара Викентьевна, – я мягко, но решительно прервал парт-оргшу. – Но я, как редактор, лично несу ответственность за все, что происходит в нашей газете. Именно это я и объясню товарищу Краюхину.

Громыхина промолчала, но я заметил, что ее губы растянулись в тонкое подобие улыбки. Кажется, я сказал именно то, чего от меня и ждали. Что ж, теперь главное – не опростоволосьиться перед этим Краюхиным.

Нас уже действительно ждали. Вахтер в вестибюле райкома аж выбежал из своего стеклянного «аквариума», чтобы поприветствовать и лично провести через турникет. При этом

⁷ Песня Давида Тухманова на слова Владимира Харитонов. Исполнялась ВИА «Самоцветы».

Клара Викентьевна даже не глянула в его сторону, а я, наоборот, не только поздоровался в ответ, но и поблагодарил. Седой и обильно потеющий дядечка в аккуратном сером костюме довольно заулыбался, одновременно смущенно отмахиваясь от моих слов.

Секретарша Краюхина оказалась длинноногой блондинкой с перекрученными «химий» локонами и вызывающим макияжем в стиле «смоки айз», как это называется у нас в двадцать первом веке. Едва мы вошли в приемную, как она тут же нажала кнопку на коммутаторе и холодным рыбным голосом доложила о нашем появлении.

– Заходите, Анатолий Петрович готов вас принять, – услышав в трубке ответ, сообщила она. И даже не удосужилась при этом встать, проводить в начальственный кабинет.

Я мысленно усмехнулся. Не знаю, самодеятельность ли она устраивает или Краюхин специально приказал лишний раз напомнить нам наше место, но все выглядело так: мы просители, а секретарь райкома – занятой человек, позволивший отнять у него пару минут времени. При всем при том, что это именно он вызвал меня на встречу. Но он не ждал нас и не ожидал, а был «готов принять». Тонко и показательно.

– Разрешите, Анатолий Петрович? – я пропустил вперед Громыхину, но обратился при этом к хозяину кабинета сам.

– Заходи, Кашеваров, – голос Краюхина оказался неожиданно веселым. – И ты, Клара Викентьевна. Рад наконец-то вас лицезреть, товарищи.

Глава 7

– Прошу прощения, Анатолий Петрович, – Громыхина, явно уверенная, что принимает на себя удар, принялась оправдываться. – Евгению Семеновичу стало плохо, ему вызывали скорую, но он мужественно отказался от бюллетеня...

– Да знаю я, что Кашеваров не из слабаков, – прервал ее Краюхин и живо выскочил к нам из-за стола, встречать.

Анатолию Петровичу на вид было слегка за пятьдесят, он уже начал лысеть и не пытался скрыть это. Лицо его было чисто выбрито и излучало энергию, он улыбался, сверкая золотым зубом, который удивительным образом переключался с блеском значка на лацкане пиджака.

– Привет, дорогой, – он крепко пожал мою руку и уверенно подтолкнул к одному из стульев. – Клара Викентьевна, прошу.

Кабинет Краюхина был точь-в-точь как мой. Только дипломов, кубков и вымпелов было гораздо больше. А еще под стеклом в шкафу я заметил фотографию в рамочке. На фоне здания с табличкой в арабской вязи стоит парень в хэбэ, то есть полевой форме, и шляпе-афганке. Вряд ли сам Краюхин, слишком большая разница в возрасте. Сын? Похоже на то.

– Ну-с, – по-прежнему улыбался Краюхин, сложив на столе вытянутые руки и переводя взгляд с меня на Громыхину и обратно.

– Анатолий Петрович, – решительно начал я. – Мною и Кларой Викентьевной была проведена воспитательная беседа с корреспондентом Шабановой. Та осознала свою оплошность и сейчас усиленно ее отрабатывает. Готовит несколько статей, в том числе по молодежной культуре.

– Это вы молодцы, – похвалил Краюхин. – А про рокеров этих гаражных, я так понимаю, в газете не будет?

– Будет, Анатолий Петрович, – ответил я, наблюдая за реакцией первого секретаря райкома. Тот слушал внимательно и явно ждал продолжения. – Я считаю, что советская молодежь должна получать всю информацию о культурном досуге. И поэтому в новой статье Шабановой будет как интервью с Василием... э-э-э...

– Котиковым, – подсказала Громыхина.

– С ним самым, да, – я кивнул. – Так вот, как с Котиковым, так и с солистами самодеятельных ансамблей.

– И зачем? – с нажимом уточнил Краюхин.

Пока что он не производил впечатление тупоголового номенклатурщика, которому лишь бы запретить. Напротив, мой собеседник задавал вполне логичные вопросы и, самое главное, позволял мне высказаться. Это радует. Может, все-таки моя идея ему понравится?

– Уверен, вы со мной согласитесь, Анатолий Петрович, что наши комсомолыцы – не малые дети, – Клара Викентьевна на этих моих словах испуганно вытаращила глаза, но Краюхин одобрительно кивнул. – И они понимают, что хорошо, а что плохо. Сознательные члены ВЛКСМ с легкостью отделят зерна от плевел. А партия, на мой взгляд, лишь укрепит свой авторитет, если будет еще сильнее доверять своим юным членам.

По всей видимости, моя заготовленная во время пути сюда речь возымела нужный эффект. Как минимум заинтересовала первого секретаря, и он был не прочь выслушать меня дальше.

– Но ты ведь понимаешь, Евгений Семеныч, – хитро прищурившись, сказал он. – Где Вася Котиков с его стихами, и где эти отщепенцы в драных джинсах.

– Разный уровень, – вроде бы и согласился я, а на самом деле оставил широкое поле для трактовки своих слов. – Более того, мы ведь зачастую, не разобравшись, сваливаем в одну кучу горластых хулиганов с действительно талантливыми музыкантами. Разве это справед-

ливо? Я считаю, как раз и нужно показать, что среди них есть разные люди. Те, кому лишь бы орать в микрофон и протестовать, и те, кто просто занимается творчеством.

– И как же понять, кто есть кто? – Краюхин внимательно смотрел на меня, но тему по-прежнему не закрывал.

Я отчетливо понимал, что ступаю сейчас по тонкому льду. Изначально рок в нашей стране – это музыка протеста. И всю послевоенную историю СССР самодеятельные коллективы фактически противопоставляли себя государству. И я сейчас, получается, предлагаю первому секретарю райкома Коммунистической партии разрешить этим бунтарям подняться на трибуну.

Опасно, очень опасно. Но, во-первых, это всего лишь сон, и почему бы мне в нем не поэкспериментировать. Приятно же ощутить себя эдаким прогрессором, если не делать акцент на собственном коматозном состоянии. А во-вторых, чем высшие силы не шутят – если я правильно преподнесу свои идею Краюхину, и он их примет, моя газета станет одной из первых ласточек перестройки и гласности. Только не оголтелой, срывающей всяческие покровы и поливающей грязью собственную страну, а взвешенной, работающей по стандартам качественной журналистики. Такой, которая не оценивает события и людей, а показывает, оставляя выбор стороны за читателем.

– Для этого и нужны статьи в прессе, – ответил я на вопрос Краюхина. – Показать многогранность советской молодежи, рассказать о движениях, мыслях, настроениях.

– Но как же задача направлять? – неожиданно вклинилась в разговор Клара Викентьевна. – Вы же понимаете, что мы беседуем сейчас о неокрепших умах?

Вот ведь зараза! Я-то думал, она за меня, но Громыхина, судя по всему, что-то почувствовала в настроении первого секретаря и решила перестраховаться. Что ж, так даже лучше! Она хочет дискуссий? Их есть у меня!

– В том-то и дело, – я многозначительно поднял указательный палец. – Если неокрепшим умам запрещать, ничего не объясняя, они так и будут протестовать. И потом, Клара Викентьевна, разве комсомольца может сбить с правильного пути песня под электрогитару?

Шпилька в адрес Громыхиной удалась – она не нашлась, чем ответить. А вот Анатолий Петрович одобрительно закивал. Мне кажется, он вполне может оказаться одним из тех, кто скоро ослабит вожжи, разрешит выступить в СССР англичанам из группы Pink Floyd и американской «Металлике», а потом и сам будет отрываться в подмосковном Тушине на «Монстрах рока».

– Значит, Евгений Семенович, думаешь, что если правильно все обставить, преподнести... – задумчиво начал Краюхин и замолчал, явно намекая, чтобы я продолжил.

– Именно, Анатолий Петрович, – подтвердил я. – С помощью публикаций в прессе мы покажем, что признаем явление, знаем о нем. И доверяем комсомольцам осознанный взрослый выбор. Плюс есть у меня еще кое-какая идея...

Теперь уже я выразительно замолчал, чтобы оба – Краюхин с Громыхиной – чуть-чуть поизнывали от любопытства. Так, вот они оба уже тепленькие, теперь можно говорить дальше.

– На мой взгляд, разумные ребята вполне могли бы объединиться, – озвучил я ту самую мысль, которой заинтриговал своих собеседников. – Вася Котиков и другие поэты будут сочинять тексты для песен рокеров, а те смогут выступать на городских площадках. Давайте признаем, положи руку на сердце, что парням в драных джинсах проще достучаться до молодежи. Так направим их кипучую деятельность на благо страны и комсомольского движения!

В кабинете воцарилось молчание. Клара Викентьевна вытянулась в струнку, не смея вымолвить ни слова – кажется, такого финта она от меня не ожидала. Краюхин жевал губу, явно обдумывая мои слова. А потом откинулся в глубокое черное кресло и, побарабанив пальцами по столу, произнес:

– Что ж, Евгений Семеныч. Твои аргументы я нахожу разумными. Но, сам понимаешь, затея смелая и рискованная. А если ты ошибаешься? Если вдруг не получится?

– Беру всю ответственность на себя, – твердо сказал я.

Ну, действительно – чего мне бояться в коме? Тем более что у меня есть знания из будущего, и мне известно, что рок в Союзе уже скоро выйдет из подполья. Так что я не просто иду ва-банк, но и понимаю, что шансы мои высоки.

– Давай попробуем, – чуть помедлив, наконец-то сказал Краюхин. – Твоему профессиональному чутью я доверяю. Но если что – голову с плеч, сам понимаешь. Мое главное требование: обставь это так, чтобы не было потакания тлетворному влиянию Запада. Мол, наши советские рокеры... все такое. С пламенными сердцами воспевают человека труда на стихи комсомольских поэтов.

– Только без перегибов, – добавил я.

– Перегибы нам не нужны, – согласился Краюхин. – Надо действовать тоньше. Ну, а на кладбище-то ты что сегодня устроил?

Наверное, этот вопрос первый секретарь готовил заранее как подвох. И задал-то его неожиданно, когда я будто бы расслабился после того, как получил зеленый свет для своей идеи. Но я подспудно ждал, что со мной на эту тему заговорят, и был начеку. Интересно, кстати, кто ему рассказал про кладбище? Величук позвонил? Или кто-то из наших?

Я украдкой посмотрел на Громыхину – она явно успокоилась, губы вновь вытянулись в тонкую струнку. Кажется, вот что за птичка принесла на хвосте Краюхину наше расследование. Что ж, я и здесь не вижу препятствий.

– А на кладбище, Анатолий Петрович, мы готовили репортаж о работе советской милиции, – не подав виду, что хоть немного волнуюсь, сказал я. – Какие-то нелюди устроили погром на могилах, зарезали несчастное животное и напугали советских граждан. Органы правопорядка отреагировали, ведется расследование, а мы в нашей газете напишем о его ходе. И результатах!

Я выделил голосом последнее слово и даже поднял указательный палец, подчеркивая значимость проделанной нами работы. Что бы ни задумала Клара Викентьевна, сообщая Краюхину о нашей вылазке, от меня первый секретарь услышал именно то, что нужно.

– А ведь ты туда сразу помчался, а не ко мне, – покачал головой Анатолий Петрович. – Думаешь, все настолько серьезно?

– Это будет решать милиция, – резонно возразил я, но все же добавил от себя: – Я считаю, что мы обязаны отреагировать как советский печатный орган. Каковы бы ни были мотивы неизвестных пока вандалов, мы расскажем о них читателям, решительно осудим и в очередной раз покажем бдительность советской милиции.

– Добро, – улыбнулся Краюхин, но по его глазам я понял, что он по-прежнему обдумывает все мои предложения. – Я тоже возьму это дело под личный контроль. А теперь давайте-ка чаю попьем. Мне тут товарищ из Индии кое-что привез. Моряк, капитан нашего торгового судна, – затем он нажал кнопку коммутатора. – Альбина, заварите нам чай! Да, на троих!

Затем первый секретарь обкома ослабил галстук, и я понял, что наша встреча из официально-рабочей плавно переходит в неформальные посиделки.

Что ж, чашку хорошего индийского чая я точно сегодня заслужил.

Глава 8

Когда мы вышли от Краюхина, день уже подходил к концу. И не только рабочий, но и календарный. На улице заметно сгустились сумерки, вновь зарядил дождь, и я, посмотрев на свои командирские часы, принял решение поехать домой.

Пришлось, правда, сперва все равно заскочить в редакцию, запереть кабинеты – мой и Клары Викентьевны – и потом сдать ключи под роспись на вахту. Адрес, где жил Кашеваров, мне не был известен, а подсознание почему-то не спешило его подсовывать. Но, к счастью, водитель частенько возил и меня, и Громыхину после работы, так что прекрасно знал, кто где живет.

Оказалось, что мы с Klarой Викентьевной были соседями – обитали в пятиэтажке с квартирами улучшенной планировки и пенсионером-консьержем. Слава Богу, что все-таки в разных подъездах. Мы вежливо распрощались и разошлись каждый в свою сторону. Поднявшись в лифте на пятый, я на сей раз уже безошибочно нашел нужную дверь и отпер ее ключом. Видимо, Кашеваров просто не помнил номер, а ориентировался исключительно по расположению. Что ж, и такое бывает.

Войдя в прихожую, обклеенную дорогами, но на мой взгляд морально устаревшими обоями, я внезапно почувствовал, что смертельно устал. И это во сне! Или в коме... Может, все-таки со мной что-то произошло, и я, например, провалился в какой-то другой мир? В иную реальность? Или, чем черт не шутит, действительно очутился в теле Евгения Кашеvarова?

Со стороны кухни, мяукая, выбежал серый в полоску кот и принялся тереться о ноги. Я машинально погладил его, наклонившись, заодно снимая ботинки. Обуви было мало – Кашеваров и, получается, я жил один. На пару с усаыым-полосатым. Скинув плащ и повесив его на старый, еще заставший хрущевскую оттепель, железный крючок, я прошел в кухню. Глаза слипались, но желудок возмущенно напоминал, что сегодня я не ел минимум с обеда. Даже не перекусывал.

Кот неотступно следовал за мной и мяукал. Я словно на автомате подумал, что надо бы добежать до ближайшего супермаркета и прикупить пару пакетиков кошачьего корма. Но тут же вспомнил, что в моем сне супермаркеты еще не появились, а домашних питомцев кормят едой с собственного стола. Кстати, в то время же и наполнителей для кошачьих туалетов не было, так что надо проверить, не загажен ли еще весь песок в огромной консервной банке, заменявшей лоток. Когда в нашей семье жили коты, папа отрезал от таких крышки, и мы насыпали туда зернистый песок с любичского пляжа. Ага, вот она, эта банка – чисто. Похоже, совсем недавно помыта, и в нее от души навалено свежего советского наполнителя. Теперь можно открыть холодильник.

В стареньком «Зиле» было шаром покати. Еще не распечатанная бутылка кефира с зеленой крышечкой из фольги стояла в гордом одиночестве, одним лишь своим видом вызывая отчаянное урчание в животе. Я поднял взгляд на деревянную хлебницу, расположившуюся на холодильнике, с надеждой поднял дверцу. Половинка нарезного – негусто. Но хотя бы что-то!

Выложив небогатый ужин на стол, я достал тарелку с золотистой каймой и белую чашку с синей гребной галерой, над которой сияло такое же синее солнце. Налил непривычно густого кефиру, покромсал батон. Плеснул остатки в блюдце рядом с батареей, и кот, довольно урча, принялся лакать. Сразу видна разница – в обычной жизни, не в этом сне, у меня тоже был кот, и магазинное молоко, равно как и кефир, он игнорировал. А тут я этому как будто бы дорожущего корма насыпал и еще валерьянкой полил. Как там тебя?

– Васька, – вслух вспомнил я и усмехнулся отсутствию оригинальности в именовании питомцев. Моего реального кота звали так же.

Сел на протертый венский стул, такой же одинокий, как и стол, откусил мягкую корочку, запил. Божественно! Все как в детстве! Этот непередаваемый вкус, который ни с чем не спутаешь! Я покрутил в пальцах смятую крышечку из фольги. Вспомнилось, что раньше легко можно было определить содержимое таких бутылочек. Зеленая крышка – это кефир. Серебристая, а точнее цвета некрашеного алюминия – молоко. Золотистая – топленое. Серебристая с зелеными полосками – обезжиренный кефир. Еще, вроде, были розовые – это уже для сливок. Эх!..

«Бутылка кефира, полбатона, – всплыла в голове одна из моих любимых песен там, в будущем. – Бутылка кефира, полбатона. А я сегодня дома! А я сегодня дома! А я сегодня дома один, о-хо-хо-хо-хо!»⁸

Пожинав, я отправился в комнату, обставленную столь же спартански, как и кухня. Вот только телевизор у меня здесь уже был не черно-белый, а цветная громоздкая «Радуга». Естественно, без пульта дистанционного управления, эта роскошь еще не скоро появится в СССР. Включив «ящик», я как раз попал на выпуск программы «Время». Шел репортаж из чернобыльской зоны, с экрана прямо на зрителя ехал сто тридцатый «ЗиЛ» с оранжевой цистерной и обильно поливал улицу. Только я уже знал, что из оросителей вырывалась не вода, а клеевой состав, который прибывал к поверхности радиоактивную пыль.

Люди в защитных костюмах и противогазах обрабатывали дома, при этом сияло солнце, синело чистое небо, и опустевшая Припять выглядела донельзя дико и страшно. Я вспомнил, как видел этот или другой похожий сюжет в детстве, и кто-то из родителей произнес дотоле незнакомое слово: «радиация». Потом я какое-то время рисовал на бумаге борьбу с этим невидимым злом, представляя его как легкий синий туман, с которым можно легко справиться поливалками.

В то время уже начали циркулировать жуткие рассказы о рождающихся уродах, мутантах в Рыжем лесу, взрослые боялись проникающей радиации и не могли объяснить нам, детям, что это такое и как от нее спастись. У нас в Калининской области, которая потом стала Тверской, уже была своя атомная станция – в небольшом городке под названием Удомля. И собирались строить вторую, где-то подо Ржевом. Но то ли Чернобыль всех напугал, то ли после развала Союза уже стало не до того, и она так и осталась проектом.

А в середине девяностых кто-то пустил слух, будто рвануло в Удомле. Не так сильно, как в Припяти на ЧАЭС, но все равно ощутимо. Кажется, это сообщение даже попало на телевидение или радио, однако потом никакого подтверждения не было. Как не было и возможности записать это, чтобы пересмотреть, переслушать. Из уст в уста передавались рекомендации пить йод и по возможности не выходить на улицу. Никто не знал, что было на самом деле и было ли вообще. У страха глаза велики, люди преувеличивали масштаб того, что, возможно, и вовсе не происходило. Потом все сошлось на том, будто взрыва и вправду не было, но случился небольшой аварийный выброс.

Правда или нет? И долетело ли до Андроповска, ставшего уже к тому времени Любгородом? Никто так и не узнал.

* * *

Я проснулся глубокой ночью на диване перед молчащим телевизором, транслирующим разноцветную испытательную таблицу. Рядом свернулся клубочком Васька, за окном грохотал дождь. Хлопая заспанными глазами, я осматривал комнату, где находился, и с каждой секундой во мне усиливалось понимание.

⁸ Слова из песни «Оранжевое настроение». Исполнитель: группа «Чайф», автор текста: Владимир Шахрин.

Невозможно спать во сне. Так не бывает. А значит, все то, что сейчас происходит, правда. Невероятная, безумная правда, с которой мне теперь придется мириться. Или... Зачем мириться? Почему именно так? Может, наоборот, судьба мне дает дополнительный шанс? Я умер там, в две тысячи двадцать четвертом году, и очутился здесь, в одна тысяча восемьдесят шестом. Еще и в теле редактора «Андроповских ведомостей». Если подумать, все очень даже неплохо!

Я опытный журналист, и все мои знания остались при мне. Понемногу ко мне приходят воспоминания Кашеварова, дополняя мою личность из двадцать первого века. Да, я многого из этой эпохи не помню, а что-то и вовсе не знаю. Но я точно не пропаду, напротив, как раз именно теперь у меня на новую старую жизнь грандиозные планы. Наполеоновские! Или даже лучше ленинские, раз уж я в Советском Союзе. Для начала – разобраться с районной газетой. Сделать ее читаемой и всеми любимой. Как рассказывали наши ветераны, она такой и была во времена СССР, однако нет предела совершенству. Создам новые рубрики, наполню ее крутыми интервью, фоторепортажами, аналитикой. Поставлю на поток комментарии от «ЛОМов»⁹, как это делается в моем времени. Того же Краюхина точно надо будет привлечь – он, как человек из политики, просто обязан этим заинтересоваться. Дальше – региональные СМИ не ограничиваются газетами. Есть радио, есть местное телевидение. Мне и без интернета работы хватит! Глядишь, создам один из первых медиахолдингов, который потом возглавлю. И ведь есть еще Калинин, Москва – я не намерен останавливаться на достигнутом!

А значит, продолжу заниматься любимым делом. Учту все ошибки прошлой жизни, воспользуюсь возможностями, если судьба и вправду дарит мне этот шанс. А еще... Только ли в профессии я должен вырасти? Может, мне нужно еще и собственную судьбу поменять? Там, в двадцать первом веке, я до без малого сорока лет так и не встретил ту, единственную, с которой связал бы жизнь. А человек не должен быть один. Пусть настоящий Кашеваров и жил как сын в компании кота, я лично собираюсь это менять. Не было любви в будущем, значит, она где-то в прошлом!

С этими мыслями я вновь погрузился в сон и проснулся уже засветло, когда нужно было собираться на работу. Я вскочил, скорее инстинктивно, нежели осознанно, включил проводной приемник и принялся под бодрый голос диктора и удары фортепианных клавиш делать утреннюю зарядку. Вот это было уже от меня – Евгения Кротова из будущего, который решил довести свое новое тело если не до идеального состояния, то хотя бы до такого, за что бы не было стыдно.

В животе вновь заурчало, но я помнил, что в холодильнике сложились идеальные условия для мышинного суицида. Хорошо хоть, что Ваське оставил немного кефиру, а то бы бедному животному пришлось голодать до вечера.

Что ж, сам я позавтракаю в какой-нибудь пирожковой по пути на работу, но это только сегодня. Исключительно по причине пустоты в холодильнике. А обед меня будет ждать в редакционной столовой, и там я как раз начну правильно питаться. Сегодня, кстати, четверг – рыбный день.

А завтра... До завтра еще далеко, но я улыбнулся, вспомнив, что к восьми часам утра меня будет ждать красивая докторша Аглая Ямпольская. Пока еще в роли строгого врача. Но какие наши годы?

С этой мыслью я уверенно запахнул плащ и отправился в путь, под все еще гроыхающий дождь.

⁹ ЛОМ – «лидер общественного мнения», профессиональный сленг журналистов.

Глава 9

В реальности, а может, и в моей теперь уже прошлой жизни, я с этим пока еще так и не разобрался, меня не пугали природные явления. Дожди, снегопады, морозы или, напротив, жара – ничто из этого не было для меня препятствием. А потому сквозь октябрьский ливень на улицах советского Любгорода я планировал пробраться быстро и без потерь. Вот только я переоценил местный общественный транспорт.

Мое детство как раз пришлось на восьмидесятые и немного на начало девяностых, так что в памяти прочно застряли городские автобусы с кассами самообслуживания. Это когда заходишь в салон, опускаешь в специальный ящичек пять копеек и отрываешь билет. Работало это все на принципе доверия, но «зайцы» почти не встречались. Во-первых, благодаря самосознанию большинства граждан. А во-вторых, потому что визит контролера не был чем-то из ряда вон выходящим. Не помню, какого размера был штраф, потому что мои родители билеты всегда брали, но сама даже мысль не платить за проезд казалась крамольной. Вот и сейчас я заранее приготовил пятикопеечную монету, чтобы не рыскать в кошельке в набитом автобусе.

В набитом... Ха! Сказать, что первый же «ЛиАЗ» был похож на бочку с селедкой, это прослыть неоригинальным и бедным на образные сравнения. Скорее он был похож на переполненную коробку, в которую ребенок набил всех своих оловянных и деревянных солдатиков, навалил сверху кучу других игрушек, а потом придавил. Из раскрывшихся с шипением дверей буквально вывалились пассажиры, и «ЛиАЗ» освободился чуть ли не на половину, однако стоящие на остановке тут же их заменили. И качающийся от натуги автобус сразу отчалил дальше по маршруту. А я и еще человек десять остались ждать следующего.

И как я забыл, что общественный транспорт в СССР был единственным способом перемещения по городу? Ведь личный автомобиль, как бы о нем ни говорили, все же являлся роскошью, а не средством доставки тела из пункта А в пункт Б. И сейчас, в начале девятого утра, большинство жителей нашего города выдвинулись на службу, штурмуя автобусы, которых пусть и было много, но все-таки недостаточно для того, чтобы передвигаться на них с комфортом.

Но были и плюсы даже в таких спартанских условиях – люди на остановке чинно стояли в очереди, и никто не ломился вперед всех остальных. Так что не на втором, но на третьем автобусе я все же уехал, все же промокнув до нитки. К счастью, перед этим я сообразил уточнить, на каком номере мне добираться до Дома печати, а то в будущем маршруты сильно изменились.

– Мужчина, вам не дотянуться, давайте я вам билетик пробью, – обратилась ко мне милостивая девушка с рыжими волосами, уложенными в тугую украинскую косу вокруг головы.

Я удивился непривычной доброжелательности, протянул попутчице пять копеек и спустя несколько секунд получил оторванный бумажный билетик. Поблагодарив девушку, я нашел максимально устойчивое положение в забитом автобусе и так доехал до следующей остановки.

– Вы сходите? – поинтересовался у меня пенсионер с авоськой и в продавленной шляпе.

– Выпущу, – улыбнулся я, вспомнив простой автобусный этикет.

Так я и добрался в итоге до работы, с удовольствием размявшись на остановке сразу после выхода. Дождь все еще хлестал не переставая, но я уже был на месте и мысленно махнул рукой на помокшую насквозь одежду.

– Здравствуйте, Евгений Семенович! – секретарша Валя по своему обыкновению вскочила, завидев меня. – Ой, вас же хоть выжимай! Снимайте плащ, я просушу!

– Спасибо, – кивнул я девушке, заботливо стягивающей с меня бесформенный кусок ткани, в который превратилась одежда.

– В шкафу сменная обувь, – подсказала мне Валя, когда я со вздохом посмотрел на свои хлюпающие ботинки.

Промокшая продукция кимрской обувной фабрики отправилась вместе с носками на батарею, а я, потягивая крепкий сладкий чай, который заранее заварила девушка, прошелся босиком в кабинет. Там я и впрямь обнаружил хорошие югославские туфли, которые пришлось со скрипом натягивать на босу ногу. Ужасное ощущение, но лучше уж так. А потом загорелся огонек вызова на коммутаторе.

– Евгений Семенович, на проводе капитан Величук из милиции, – заговорила Валя. – Соединить?

– Да, – лаконично ответил я, и в следующую секунду в трубке раздалось пыхтение.

– Але! – чуть не оглушил меня Величук. – Але! Евгений Семеныч? Слышно меня?

– Слышу, Платон Григорьевич. Доброе утро.

– И вам не хворать. В общем, мои ребята подсустились...

– Так-так, – я даже подался вперед, чуть не расплескав на себя чай.

– Нашли они хулиганов, – обрадовал меня Величук. – Весь оставшийся день вчера бегали, с ног сбились. Отыскали в итоге тех, кто знаком с людьми с фотографий... Ну, этими – которые в гробиках. И вышли в итоге на старика со старухой, которые все это сотворили. Сидят у меня в отделении, чистосердечное пишут. Такое плетут!.. Я и подумал, что вам интересно будет. Тем более что вы просили...

– Спасибо, Платон Григорьевич! – радостно крикнул я в трубку и бросил ее на рычаг.

Вот что значит – правильно выстроенные отношения с органами внутренних дел. Объяснил, что приятное о них напишем, и их заинтересовало. В своей прошлой жизни я напрямую с девчонками из пресс-служб общался, с одной, из СК¹⁰, даже какое-то время встречался. Потом, правда, из-за нашего разрыва она меня информацией обделяла, и я с тех пор зарекся гадить там, где пасусь. Зато со всеми другими у меня были прекраснейшие приятельские отношения. Мне даже стали сливать эксклюзив. Всего-то на пять-десять минут раньше, чем остальным, но в век информационных технологий это почти что вечность. Особенно если твои конкуренты менее расторопны.

Здесь, если уж я застрял в этом времени, тоже потребуется обрести связи. Без них журналисту, в особенности главреду, просто никак. Так что, пока мои газетчики трудятся над наполнением очередного выпуска тридцатидвухполосника, я буду наработывать базу. Но перед этим – пара ценных указаний.

– Валечка, вызовите ко мне, пожалуйста, Софию Кантор, Леонида Фельдмана и Виталия Бульбаша, – попросил я секретаршу и откинулся на спинку кресла.

Сейчас я отправлю этих троих к Величуку, они там опросят подозреваемых, Леня сделает эффектные кадры – и сенсационная полоса, считай, готова. Нет, пожалуй, я вместе с ними поеду. С «желтушкой» в этом времени еще не знакомы, правильные вопросы вряд ли сумеют задать. Так что стану им на первое время прикрытием, а там уже сами. Главное, чтобы потом, на волне гласности, газета не дала крен в сторону скандальности, как это сделали некоторые столичные коллеги. Да и регионалы, кстати, тоже.

Я ведь хорошо помню эту трансформацию, когда уже в девяностых крупные СМИ, сохранив старые советские названия, принялись копаться в грязном белье политиков и артистов. По факту из аналитических изданий они превратились в развлекательные таблоиды, где ту же голую женскую грудь печатали к месту и не к месту. Даже на первых полосах, где еще недавно публиковали, скажем, фотографии героев труда или ветеранов Великой Отечественной. Я уж молчу про издания новой формации, среди которых одни специализировались на звездных свадьбах, разводах и внебрачных детях, а другие – на мистике и конспирологии.

¹⁰ СК или СКР – Следственный комитет России.

Однако тут, в моей газете, я планирую тщательно за этим следить, и «желтизна» будет использоваться исключительно как прием в комбинации с другими, а ни в коем случае не как идейное наполнение.

– Евгений Семенович, София с Леонидом скоро подойдут, а Виталия Николаевича еще нет на рабочем месте, – тем временем виновато, словно это ее самой не было, доложила Валя.

– Как так? – воскликнул я, посмотрев на часы и увидев, что стрелки показывали четверть десятого. Нехорошо. – Соедините меня с ним по домашнему номеру.

В двадцатых годах двадцать первого века журналиста редко застанешь в кабинете. Особенно журналиста сетевого издания и особенно после пандемии ковида, когда все резко ушли на удаленку. Ведь зачем ехать в офис через весь город, когда можно позавтракать и спокойно сесть с ноутбуком у себя в комнате? Был бы интернет, и работа всегда с тобой. Но тут, в СССР образца тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, не было такой роскоши как удаленка. Журналисты собирались в редакции к девяти утра, после чего рассасывались по кабинетам или заданиям «в поле».

– Евгений Семенович, – прервала мои размышления секретарша. – Старший корреспондент Бульбаш на проводе.

– Виталий Николаевич, – укоризненно заговорил я в трубку, услышав невнятное бурчание. – Ты что, даже еще из дому не вышел? Что молчишь? Стыдно? Бери ноги в руки, вызывай такси и дуй в редакцию! Или, погоди, давай я за тобой машину пришлю!

Предложив это Бульбашу, я мысленно плюнул сам себе в лицо. За каким Энгельсом я мок под дождем и трясся в автобусе, если мог накануне договориться с завгаром о служебной машине? Судя по тому, что Валя ничего мне не сказала, по умолчанию за моей персоной не приезжают. Значит, или Кашеваров был в этом плане демократичным, несмотря на роскошную «Волгу» в редакционном гараже, или существовал какой-то определенный порядок действий. Впрочем, это я выясню позже.

– Жень... – голос на другом конце провода звучал странно, но при этом смутно знакомо. – Ты это... Прости меня. Не выдержал я. Уволишь?

«Да он пьян!» – неожиданно осенило меня.

– Сильно поддал? – тихо спросил я вслух. – Только честно!

– Не повторится, – принялся бормотать Бульбаш. – Ты же знаешь, я не подведу... Текстик сдам вовремя... Если что – ночью, ты же знаешь.

И вот тут я не выдержал. Этот длинный старший корреспондент, чтоб его мухи съели, нажрался, тормозит мне эксклюзив с кладбищенскими вандалами и еще бормочет про «текстик ночью»!

– Послушай, Виталий Николаевич, – тихо, но зло начал я. – Мне только что звонил капитан Величук, сказал, что его парни схватили подозреваемых! Соня с Леней уже здесь, – я действительно слышал их голоса за дверью, но они, явно смутившись моего тона, не торопились входить. – Ты мне нужен для гребаной сенсационной статьи! Для бомбы! Для пушки, если хочешь! А ты что? А ты жрешь посреди недели!

– Прости, Жень... – стыдливо бормотал он. – Я возьмусь за себя, возьмусь... Хочешь, я пешком до милиции дойду?

– Вот еще не хватало! – выпалил я. – Сегодня сидишь дома и приводишь себя в порядок. А завтра – слышишь? – в половину девятого у меня в кабинете как штык!

Тут я вспомнил, что в восемь меня ждет у себя красивая докторша Аглая Ямпольская. Нет, к восьми тридцати я вряд ли освобожусь, надо это учитывать.

– Впрочем, ладно, – я сделал вид, что сменил гнев на милость. – С утра у меня дела, так что приходишь утром, регистрируешься у Валентины и чешешь в свой кабинет, начинаешь скрипеть пером. Понял меня?

– Так точно, – на эту короткую фразу Бульбаш собрал, наверное, все свои оставшиеся силы.

– Отбой, – сказал я и бросил трубку. – Соня, Леонид! Зайдите!

Глава 10

В милицию я, как и планировал, отправился вместе с журналистами. Дождь по-прежнему лил как из бочки, но в черной «Волге» было тепло и сухо.

– Не зная горя, горя, горя, в краю магнолий плещет море... – словно издеваясь, пела магнитола голосами ВИА «Ариэль». – Сидят мальчишки на заборе...¹¹

– Эх, сейчас бы и нам в край магнолий, – мечтательно протянул фотограф Леня.

– А я бы съездила в Норильск, – неожиданно выдала Соня.

– Да ну? – я даже повернулся к ней, изогнувшись йогом.

– Моя мама там была у подруги в гостях, – улыбнулась девушка. – Фотографии привезла, нам с отцом показывала. Представляете, там прямо посреди города оленьи упряжки, люди в тулупах. А на заднем фоне – красивые здания. И снег идет.

– Красиво, – согласился я.

– Евгений Семенович, – неожиданно серьезно сказала Соня. – Не увольняйте, пожалуйста, Виталия Николаевича. Он ведь хороший журналист...

– И что мне толку? – возразил я. – Вот где он сейчас, когда так нужен?

– Мы его на поруки возьмем, перевоспитаем, – мягко, но при этом настойчиво продолжала меня уговаривать девушка. – Дайте ему шанс.

– Давал уже, – я вздохнул. – Много раз.

– Пожалуйста...

– Хорошо, – я согласно кивнул, потому что сам не хотел увольнять Бульбаша. Особенно с его милицейскими знакомствами. – Попробуем вытянуть товарища из объятий зеленого змия...

На этой моей фразе «Волга» как раз подкатила к зданию отделения милиции, стандартной советской коробке с откатными воротами, как на предприятиях. Во дворе стояли потертый узик в желто-синей расцветке и бежевая «шестерка», возле которой смолил папиросу колоритный водитель лет семидесяти. На черную «Волгу» с хромированными бамперами и молдингами он посмотрел с философским спокойствием.

Мы вышли из машины практически одновременно, но я, взяв на себя инициативу, как и положено главреду, уверенно направился первым ко входу. Внутри нас встретил зычный голос дежурного милиционера, который переписал наши удостоверения и затем указал направление, куда идти.

– О! – по пути нам попался стилиста Апшилава. – Товарищи журналисты, приветствую! Вы к моим архаровцам?

– К ним самым, – подтвердил я. – Как они там?

– Просто песня, – ухмыльнулся следак. – Знаете, что говорят? У них там просто целый заговор против сыночки. Мы-то сначала по одной из фотокарточек на его зазнобу вышли, которая из него кровь будто бы пьет. Потянули за ниточки, выяснили, что там затяжной семейный конфликт... Приехали к ним домой, а они даже свои приспособления не убрали. И веревки, похожие на те, которые к дереву были примотаны. И гробики, только пустые, без фотокарточек. А потом, как мы все это описывать начали, из них обоих как полилось! Там и соседка по коммуналке, которая на его комнату претендует, и начальница в горстате.

– И что? – удивился я. – Они их так припугнуть, что ли, решили?

– От ребенка отвадить, – снова осклабился Апшилава. – А ребенку, на минуточку, сорок лет! Выпускник Калининского института, матфак. Вернулся в родной Андроповск статистику

¹¹ Песня «В краю магнолий» из репертуара ВИА «Ариэль». Слова Юрия Марцинкевича, музыка Александра Морозова.

поднимать и ведьму встретил, – следак хохотнул. – Так они будущую невестку называют, не любят ее, страсть как.

– А начальница – тоже из ведьм? – я улыбнулся, настолько эта история была смешной и дикой одновременно.

– Вот у них и спросите, – Апшилава развернулся и махнул рукой в приглашающем жесте. – Я за чаем шел, но раз такое дело... Посижу с вами.

Мы прошли вместе с ним по коридору к одной из похожих друг на друга дверей. Рядом с ней стоял рослый милиционер, который откровенно скучал. Думаю, и сам наш провожатый понимал, что вряд ли парочка пенсионеров, даже устроивших такую бучу на кладбище, совершат попытку побега. Но советская милиция на то и советская, чтобы был порядок.

Апшилава открыл дверь, вошел сам и кивнул, чтобы мы не стеснялись.

– Полюбуйтесь, товарищи журналисты, – нарочито громко сказал он. – Вот они, эти субчики.

На двух поставленных у стены стульях сидели типичные пенсионеры шестьдесят плюс. Дедок в белой тканевой кепке, застиранной рубашке и аккуратно выглаженных штанах со стрелками. И бабулька в цветастом платке, сразу глянувшая на нас исподлобья.

– Здравствуйте, – поздоровался я, и Леня с Соней последовали моему примеру.

Самое главное, не показывать свое превосходство и не осуждать стариков. Войдешь им в доверие, и они, почувствовав если не союзника, то хотя бы понимающего, сами выложат тебе все и еще немного сверху.

– Доброго дня, – отозвался дед, а его жена по-прежнему сверлила нас молчаливым взглядом.

– Вы не возражаете, если мы немного побеседуем? – спросил я, устраиваясь на стул за следовательским столом, на который указал сам Апшилава. Мои сотрудники уселись на короткую скамейку у противоположной стены. Леня держал руку на кофре с камерой, но не доставал ее. Ждал моего разрешения.

– А о чем беседовать-то? – неожиданно спросила бабка. – Мы вон с вашим уже пообщались.

Она указала на опершегося о подоконник следователя. Я понимающе улыбнулся.

– Представляюсь. Меня зовут Евгений Семенович Кашеваров, я редактор «Андроповских известий». А это, – я кивнул на ребят, – мои коллеги, отличные журналисты.

– Вот вы и напишите в своей газете, как ведьмы всякие советских людей изводят, – ухватилась за мою должность старушка, неожиданно трансформировавшаяся из сварливой бабки.

– Вот и я о чем, – вздохнул Апшилава.

– Подождите, пожалуйста, – попросил я его и вновь повернулся к старикам. – Мне будет проще, если вы объясните: откуда в Советском Союзе ведьмы?

– Да мы тоже думали, что она просто стерва, – неожиданно подал голос старик. – А оказалось, что она нашего Геночку приворожила. Позарилась на перспективного специалиста, которому уже должность заведомо легкой промышленности светит... Начальница только тормозит его продвижение.

– Так-так-так, – с интересом отреагировал я, грозно посмотрев на хмыкнувшего Апшилаву.

Краем глаза я наблюдал за ребятами: Соня что-то строчила в блокноте, а Леня по-прежнему пребывал в состоянии повышенной готовности. Это он правильно делает, мы потом стариков со спины сфотографируем, без лиц.

– Нам сказали, что она любку по ночам собирала, а потом зелье варила и как чай его Геночке подавала! – возмущению бабульки не было предела.

– Любку? – эхом переспросил я.

– Любка двулистная, – подсказала Соня. – Ее еще ночной фиалкой называют.

– Правильно девочка говорит! – обрадовалась пенсионерка.

– И что? – я по-прежнему не понимал, в чем преступление неизвестной пока «ведьмы».

– Так ведь это ж трава приворотная, – вступил в разговор дед.

– А вы разбираетесь? – не моргнув, будто бы заинтересовался я. – А то есть у меня ощущение, что меня тоже кто-то таким зельем опоил...

– Ох, не завидую я тебе, мил мой, – покачала головой старушка. – Силища в этой траве скрыта – будь здоров!

– К Евдокии ему надо, – неуверенно проговорил дед и осекся, посмотрев сперва на меня, потом на следователя.

– Молчи, старый! – шикнула на него супруга.

– Отчего же, – я притворился, будто расстроен. – Если товарищ сыщик позволит...

Я состроил настолько выразительную гримасу, что Апшилава меня моментально понял. С самым серьезным видом кивнул и даже поддакнул.

– Евдокия, соседка наша, – осмелев, принялся рассказывать дед, – разбирается в этом. Ее бабка ведьмой слыла, только об этом говорить раньше было не принято... В общем, просветила она нас. Можем похлопотать, ежели обвинения тяжкие с нас поможете снять.

От такой наглости у Апшилавы полезли глаза на лоб, но я еле заметным жестом попросил, чтобы он подыграл. К счастью, следователь оказался внимательным – видимо, сказывался опыт, хоть и было этому парню не больше тридцати. А то и меньше.

– Я не могу повлиять на милицию, – строго ответил я старику. – Но обещаю во всем разобраться, и если обнаружится несправедливость, я буду обеими руками за то, чтобы правда восторжествовала. Вы мне только скажите честно: вы нож тот фигурный откуда взяли и почему с собой потом не забрали?

– Так это... – пробормотал пенсионер. – Нам Евдокия его дала, а где она сама этого чертика нашла, нам не сказала.

– Нельзя вещи от ритуала с собой забирать, – добавила его супруга. – Все, чем воспользовался, на месте должен оставить. Вот мы нож там и бросили.

– Понятно, – кивнул я. – Дело ясное, что дело темное. Хорошо, что вы все так подробно рассказываете и не скрываете. Думаю, это пойдет вам на пользу – милиция все учтет. Кстати, товарищ следователь, можно вас на пару минут? Соня, а вы пообщайтесь, пожалуйста, с потерпевшими. Вы же не против? Это моя коллега, ей можно доверять.

Старики согласились – видимо, знания девушки о какой-то «ночной любке» пришлись им по нраву. Она пересела за стол Апшилавы, где я уступил ей место, а сам вместе с ним вышел в коридор.

– Как это понимать, товарищ редактор? – он сразу набросился на меня, но я его успокоил.

– Считайте это военной хитростью...

– Эдик, – подсказал он.

– Очень приятно. Так вот, Эдик, считайте это военной хитростью. Они, я так понял, просто темные люди, которые по-своему желают сыну счастья... Мешают, правда, тем самым, но вряд ли это понимают. А вот загадочная Евдокия – вот она, как мне кажется, здесь и есть самый опасный человек. Я бы на вашем месте ею занялся. Кто знает, скольких еще она так обдурила. Народ у нас, сами знаете, доверчивый.

– А ведь и правда, – согласился Апшилава. – Старики, конечно, все равно подтянуть придется за хулиганку и вандализм. Но источник этой заразы, соглашусь с вами, нужно прихлопнуть. Тем более что она пенсионеров ножами в виде чертей снабжает, а тут уже дело посерьезней будет. Спасибо вам, Евгений Семенович.

– С огромным удовольствием помогаю органам, – искренне ответил я. – И вы мне, будьте добры, помогите. Историю эту нужно предать огласке, чтобы жители города знали: суеверия и прочее мракобесие очень опасны.

– Что я могу сделать? – с готовностью спросил Эдик.

– Помогите нам с материалом, когда ее схватите, – я не стал бродить вокруг да около. – И я бы хотел от нее тоже комментарии получить, чтобы, так сказать, объемную картину обрисовать.

– А нужно ли? – с сомнением уточнил Апшилава. – Если в газете всякую дурь печатать, люди еще сильнее запутаются.

– Вот тут с вами не соглашусь, – возразил я. – Идеологическому противнику тоже нужно дать право голоса. Народ у нас доверчивый, но не глупый. Когда две точки зрения покажешь, он правильный выбор сам сделает.

– Что ж, давайте попробуем, – по-прежнему недоверчиво согласился Эдик, но в его голосе я все же почувствовал интерес.

– Спасибо, – отреагировал я. – И вот еще. Не давите на этих стариков. Притворитесь, будто всерьез обеспокоены давлением на их Геночку. Они вам все и выложат.

– Хорошо, Евгений Семенович.

Мы вернулись в его кабинет, а там Соня едва успевала записывать за пенсионерами, которые говорили без умолку и теперь не стеснялись строгого следователя Апшилавы. Я прислушался, и мои уши чуть не свернулись в трубочку: оказывается, невестка такую сеть сплела вокруг несчастного Геночки, что и все остальные злопыхатели, в том числе соседка по коммуналке и начальница в горстате, тоже вдруг оказались чуть ли не жертвами. Прямо мистический роман какой-то!

Поняв, что Соня прекрасно справляется, я отшел от происходящего и принялся с разрешения Апшилавы просматривать материалы дела, лишь время от времени вылавливая из спутанной речи стариков слова-триггеры вроде «ведьма», «приворот», «ритуал» и тому подобные. Я листал папку, дошел до снимков, вернее копий, сделанных милицейским фотографом, внимательно их рассмотрел. Не знаю, как сыщики все это провернули за вечер без интернета, но каждый портрет был снабжен подробным описанием – кто, как зовут, где работает.

Вот Галина Никифоровна Артемова, 48 лет, член партии, руководитель андроповского районного отделения госстата. Та самая начальница, что не давала возможности раскрыться «перспективному сотруднику». Дальше – Наталья Викторовна Судакова, 27 лет, беспартийная, медсестра городской поликлиники. Собственно, та самая «ведьма». И, наконец, Матрена Парамоновна Песошникова, 67 лет, пенсионерка. Это уже, как говорилось в описании, соседка сорокалетнего Геночки по коммунальной квартире. Быстро переписав необходимые данные в блокнот, я удовлетворенно улыбнулся и кивнул сам себе. А тут как раз и Соня закончила это странное интервью, повернулась ко мне и тоже довольно кивнула.

– Что ж, спасибо за сотрудничество, – сразу засобиравшись я. – И до свидания!

Пенсионеры переключились на Апшилаву, а мы вышли из кабинета. Попрощались с каральным, отметились у дежурного, и уже на крыльце отделения Соня гордо протянула мне аккуратно вырванный листок из блокнота.

– Что это? – спросил я, вглядываясь в мелкий убористый почерк с адресами и номерами телефонов.

– Контакты Евдокии, – довольно ответила девушка. – И Наташки-стервозины, – тут будущая звезда расследований хихикнула. – Я им сказала, что мы ее в отдельную разработку возьмем. Вдруг и правда ведьма она.

Я хмыкнул, с гордостью посмотрев на своих ребят. Пусть номер Натальи у меня и так был благодаря Апшилаве, но Соня вытащила его самостоятельно, войдя в доверие к старикам. За одно это девушке огромный респект. А уж за контакты загадочной Евдокии ей и вовсе почетную грамоту можно дать.

Кажется, номер у нас и впрямь выйдет бомбический.

Глава 11

Уже в машине у меня созрел план. История с бытовой магией складывалась интересная, и я бы с большим удовольствием ее раскрутил еще в той, обычной жизни. Но здесь я главред, а потому нужно как можно больше нагружать сотрудников. Не для того, чтобы самому посиживать в кожаном кресле и попивать дефицитный кофе, а чтобы не мешать журналистам набираться опыта.

В нашем маленьком холдинге работали разные люди, и нынешний главный редактор сайта Игорь Бахвалов был далеко не первым, кто с надрывом нерва пытался держать планку достойного местечкового интернет-СМИ. И если он не стеснялся наваливать на своих подчиненных, в том числе на меня, кучу заданий, то его предшественница Вера многое брала на себя. Не только из-за своей любви к профессии, а по причине заведомо ложной стратегии: хочешь, чтобы было хорошо, сделай это сам. В итоге бедная девушка тонула в задачах, а сотрудники, всего лишь заполняя новостную ленту, большую часть времени ковыряли в носу. Сложные тексты она доверяла лишь мне и иногда старой гвардии, когда те не скрипели от того, что им помимо газеты приходится заниматься «лишней нагрузкой». Результат оказался предсказуем: сайт серьезно просел в рейтингах, и Сергей Антонович Веру разжаловал. Вместо нее у руля встал Игорь, с которым она не сработалась и ушла к конкурентам.

Так что, держа в голове историю Веры, я не собирался работать за подчиненных. Пусть набираются опыта и делают мне крутую газету. А уж я их направлю туда, куда нужно.

– Делаем так, – мы ехали в сторону редакции, и я по пути распределял задачи. – Вам обоим я отдаю псевдо-колдунью... Как ее там? Наталью. Уверен, она обычная адекватная женщина, с ней и поговорите. А к этой Евдокии, которая вызывает у меня максимум подозрений, поедет наш Виталий Николаевич. Его же я отправлю и к несчастному Генке, жертве родительской гиперопеки.

– Но... Евгений Семенович, – набравшись смелости, ко мне обратилась Соня. – О чем говорить с Евдокией? Она ведь людей на преступления толкает, пусть милиция ею занимается.

– Мне интересно знать, что ею движет, – пояснил я. – Но даже не это самое главное. Понимаете, коллеги, у каждого в этой истории своя правда. А мы с вами должны донести до читателей все имеющиеся точки зрения. Родителей, связавшихся с черт знает кем. Евдокии, у которой во всем этом свой цимес. Забитого рохли Геннадия. И Натальи, которую оговорили, назначив виновной. Я бы, конечно, поговорил и с начальницей, да еще бы соседку по коммуналке пригласил. Но и так уже действующих лиц много, с фактурой проблем не будет.

– То есть мы не направляем читателя в нужную сторону, а выносим саму историю на суд общественности? – с интересом проговорила Соня.

– Вроде того, – подтвердил я. – Именно как на суде мы даем возможность высказаться каждому, а читатель решает, кому симпатизировать.

– Но ведь найдется тот, кто будет на стороне родителей или Евдокии, – Леня попробовал меня спровоцировать. Однако именно этого я и ждал.

– Обязательно, – я не удержался от довольной улыбки. – Статья вызовет полемику, люди начнут спорить. А это – гарантия успеха. Кстати, нам к Бульбашу ведь надо. Знаете, где он живет?

– Как раз на следующем повороте, – ответил водитель. – Вовремя вспомнили.

И ведь правда – пока я разглагольствовал о стандартах журналистики, совсем вылетело из головы, что нужно забрать из дома Виталия Николаевича. Главное, чтобы он окончательно не скис, а то я чересчур опрометчиво выдал ему отгул.

– Квартира двенадцать! – подсказала мне Соня, когда наша «Волга» притормозила у не приметной хрущевки.

Я поблагодарил девушку и зашел в первый подъезд. Никаких домофонов и кодовых замков – благодать. Эпоха всеобщего огораживания еще впереди, и на окнах квартир еще даже нет решеток. Это потом, уже в конце десятилетия, распоясавшиеся мелкие воришки начнут залезать в чужое жилище среди бела дня. А пока многие даже двери не запирают, уходя в магазин. Или просто кладут ключи под коврик.

В хрущевках, которых еще полно и в двадцать первом веке, четыре квартиры на этаже. Поэтому я смело направился сразу на третий, нашел обитую дерматином дверь и требовательно нажал на кнопку звонка. Раздалось чириканье, знакомое с детства – у нас тоже такое было. Раздалось шарканье разбитых шлепанцев, кто-то кашлянул и открыл дверь.

В образовавшуюся щель просунулась небритая голова с набрякшими веками, и на меня пахло винными парами. Виталий Николаевич в домашней пижаме силился выглядеть трезвее, чем был на самом деле, и я решил прийти к нему на помощь.

– Можешь не притворяться, – я махнул рукой. – И так знаю, что ты пил как черт. Собирайся, я придумал, как тебе реабилитироваться – будешь разводить на разговор народную целительницу Евдокию. Вот адрес. Как раз скажешь, что хочешь завязать, поэтому к ней и обратился. Про то, что ты из газеты, не говори. И как-нибудь сам выведи ее на откровенный разговор о приворотях, сглазах и прочем.

– Женья! – воскликнул Бульбаш. – Евгений Семенович! Я все сделаю, я не подведу!

– Давай, собирайся быстрее! – я прервал его излияния. – Ждем тебя внизу в машине. Зубы почисть, а то твой французский одеколон «Пьер Ригар» не все оценят.

Виталий Николаевич, продолжая бормотать благодарности и торжественные клятвы, исчез в недрах квартиры. А я пошел вниз, размышляя, что моя новая жизнь не так уж плоха. Напротив, так интересно мне еще никогда не было.

Когда я вновь уселся на своем месте в «Волге», меня поджидал сюрприз. Леня с Соней внимательно пересматривали снимки, которые наш фотограф уже успел распечатать. Точно, я ведь его просил сделать это поскорее, и он все выполнил. А я об этом благополучно забыл, потому что в моем обычном мире фотографии в электронном виде выкладываются на файлообменник, и их автор скидывает в рабочий чат ссылку на нужную папку. Вот еще один важный нюанс, над которым мне требуется поработать – избавиться от привычек двадцать первого века. Во всяком случае там, где они мешают, как в случае с фотографиями.

– Что у вас там интересного? – спросил я ребят, пока в моей голове ураганом проносились все эти мысли.

– Вот эта женщина, – Леня протянул мне фотокарточку, с которой, прищурившись, смотрела одна из потенциальных жертв сглаза, порчи и прочих астральных ударов. – Помните? Ее портрет был в том гробике, который вы нашли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.